

МАРК ЛАНГЕ

ЛОНДОНСКИЙ
НАРЫВ

18+

Марк Ланге

Лондонский нарыв

«Автор»

2026

Ланге М.

Лондонский нарыв / М. Ланге — «Автор», 2026

Лондон, лето 1665 года. Великая чума пожирает город, превращая его в гниющую ловушку, где закон и мораль больше не имеют веса. Бывший шериф Кристофер Рэдклифф, когда-то выброшенный из системы за попытку разоблачить коррупцию, живёт на самом дне, превратившись в «нюхача» чужой низости. Всё меняется, когда в городе происходит серия ритуальных убийств. Жертвы те, кто наживается на общем горе, а их тела превращены в жуткие послания. Рэдклиффу предстоит выйти на охоту за призраком, который действует с хирургической точностью. Но в городе, где пороки стали топливом для выживания, грань между правосудием и безумием стирается. Сможет ли последний свидетель старого Лондона найти правду там, где всё предрешено?

© Ланге М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга Первая: Лихорадка	5
Часть 1: Карающая десница	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лондонский нарыв

Книга Первая: Лихорадка

Часть 1: Карающая десница

Глава 1

Лондон умирал, и в своей агонии он перемалывал в жерновах чумы всё — законы, мораль, саму человеческую суть. Лето 1665 года выдалось на редкость знойным, и город, и без того тесный и грязный, превратился в гигантскую падальню под открытым небом. Воздух был не просто густым — он был субстанцией, бульоном, сваренным из испарений Темзы, едкого дыма от костров, где жгли серу и одежду умерших, и того сладковатого, приторного запаха разложения, что висел над улицами незримым, но осязаемым саваном. Этот запах въедался в одежду, в волосы, в стены домов, в самую душу. Он был повсюду, как сам Бог, только этот Бог был слеп, глух и беспощаден. Скрип колёс повозки мертвецов, раздававшийся по утрам, стал привычнее петушиного крика. Алые кресты на дверях домов слились в единое зловещее полотно, которым город был затянут, как труп саваном. Казалось, сама земля под ногами пропиталась гноем, и каждый шаг по нечистотам мостовых отзывался в сознании хлюпаньем разлагающейся плоти.

В этом аду, в одной из бесчисленных таверн, носившей вывеску «Захолустный петух», сидел Кристофер Рэдклифф. Он не просто пил — он растворялся в окружающем смраде, впитывая его всеми порами, как губка. Когда-то он был шерифом, человеком системы, верящим в закон и порядок. Пока не наткнулся на дело, которое вскрыло гнилую изнанку этой самой системы — подряды для армии, где на гнилых сухарях и стоптанных сапогах наживались те, кто был у власти. Его попытка докопаться до истины закончилась предсказуемо: его вышвырнули, объявив смутьяном и неуравновешенным. Теперь он наблюдал, как та самая система, которую он пытался починить, медленно и зловонно разлагалась на его глазах. В этом была горькая, почти что поэтическая справедливость. Он сидел в своём привычном углу, вдавившись в темноту, и смотрел на кружку с мутным элем, но пил не его, а воздух — тяжёлый, насыщенный страхом, отчаянием и пороком. Это был его хлеб, его вино. Он был профессиональным нюхачом человеческой низости, и сейчас город источал её целыми реками. Его собственный запах — дешёвый табак, пот и старые неудачи — казался ему честнее этой всеобщей лжи, приправленной ароматическими травами.

Дверь скрипнула, впуслав полосу тусклого, пыльного света и высокую фигуру в дорожном плаще. Лицо незнакомца было скрыто промасленной тканью, но по осанке, по качеству ткани и по тому, как он окинул зал взглядом, полным холодного презрения, было ясно — он из другого мира. Мира, где двери ещё запирались от людей, а не от смерти. Его взгляд скользнул по пьяницам, слившимся со стойкой в едином стонущем организме, и безошибочно остановился на Рэдклиффе. Он подошёл и сел, не спрашивая разрешения. Запах дорогого мыла, конюшни и власти ворвался в утробную вонь таверны, как наглый чужеземец.

— Рэдклифф? — голос был глухим, лишённым всяких эмоций, кроме безразличия. — Мне велено найти тебя. От имени его чести, лорда-мэра.

Кристофер медленно поднял на него глаза. Он не ответил. В этом не было нужды.

— Есть работа. Та, от которой у порядочных людей сводит желудок.

— У порядочных людей, — хрипло произнёс Кристофер, — уже месяц как сводит желудок. От голода. Или от чумы. Какая, в сущности, разница.

— Эта — другая, — незнакомец поморщился, словно от резкого запаха. — Торговец шерстью. Эддридж. Найден сегодня утром в своём доме на Олд Фиш-стрит. Не сдох, как подobaет в наши дни. Его прирезали.

Кристофер взял кружку, сделал небольшой глоток. Жидкость обожгла горло, но не принесла ни тепла, ни утешения.

— И что? — спросил он равнодушно. — У каждой собаки своя конура. Город полон мясников: одни режут скот, другие — людей. Ничего нового.

— Этот мясник оставил визитную карточку, — человек в плаще скривил губы, и его лицо исказила гримаса, в которой смешались отвращение и нечто похожее на страх. — Ему перерезали глотку. Акт сам по себе не уникальный. Но... в рот ему затолкали гири. От его же собственных торговых весов. И на стене, прямо над телом, намалевали красный крест. Углем. И подпись: «Мерзавец, скупающий хлеб у голодных».

В таверне, всегда наполненной гулом голосов и стуком кружек, на мгновение воцарилась абсолютная, гробовая тишина. Даже завсегдатаи, давно потерявшие связь с реальностью, замерли. Кристофер почувствовал, как по его спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с сыростью. Это был тот самый запах, который он искал, ради которого он здесь сидел. Запах не чумы, не слепой и безличной болезни. Запах человеческой ненависти, старой как мир, но теперь вышедшей на охоту под маской Божьей кары. Это была ненависть, облечённая в форму правосудия, и оттого она казалась Кристоферу куда более заразной, чем любая лихорадка.

— Власти полагают, — продолжал незнакомец, понизив голос до напряжённого шёпота, — что подобные... эксцессы... могут посеять смуту. На фоне всего этого, — он мотнул головой в сторону двери, за которой лежал умирающий город. — На фоне всеобщего страха. Найди этого сумасшедшего. Быстро. И тихо. Без лишнего шума.

Он отодвинулся от стола, и на засаленной, липкой древесине остался лежать маленький, но туго набитый кошелёк. Звон монет прозвучал в тишине громче пушечного залпа.

Кристофер не потянулся за деньгами. Он смотрел в пустоту перед собой, но видел не тёмный, закопчённый потолок таверны, а другую картину: богатый кабинет, дорогое кресло, тело дородного мужчины и его лицо, искажённое предсмертной гримасой, с безмолвным криком железа во рту. Он был следователем, которого система вышвырнула за то, что он копал слишком глубоко. Теперь система, задыхающаяся в собственной гнили, звала его обратно, чтобы он закопал одну-единственную, слишком уж зловонную кость, угрожающую нарушить хрупкое, прогнившее равновесие. Он поднялся. Его тень, худая и угловатая, отпрыгнула от стены, словно испугавшись его решения. Первый шаг был сделан. Он выходил на охоту. Его добычей был не просто убийца. Его добычей был призрак, рождённый чумой, но одетый в плоть и кровь. Призрак на костях умирающего города.

Улица Олд Фиш-стрит, даже в это гиблое время, хранила подобие порядка и благополучия. Дома здесь были каменными, с крепкими дубовыми дверями и запертыми ставнями. Воздух был чуть чище, отдавая не только чумным смрадом, но и запахом воска, камфоры и дорогого дерева. У одного из таких домов, самого внушительного, теснились двое стражников. Их лица под касками были серыми не только от пыли, но и от неподдельного, животного страха. Они отступили в сторону, увидев в руке Кристофера бумагу с печатью лорда-мэра.

— Внутри никого, сэр, — проговорил один, более молодой, и его голос предательски дрожал. — Слуги разбежались, едва узнали. Дом оцепили, как положено.

— Как положено, — безразлично повторил Кристофер, переступая порог.

Запах ударил в нос сразу: сложный, многослойный, как парфюм дьявола. Дорогая пыль на резных сундуках, воск для полировки массивной мебели, сладковатый дух старого, выдержанного вина из погреба — и поверх всего этого, как грязная, окровавленная тряпка, наброшенная на парчу, — медный, терпкий, неоспоримый дух крови. Кристофер провёл пальцем по поверхности резного сундука, и пыль легла на кожу тонким серым саваном. Богатство, превращающееся в прах. Он медленно прошёл в кабинет.

Тело лежало у массивного дубового стола, заваленного фолиантами счётных книг и деловыми бумагами. Эдридж был мужчиной дородным, с солидным брюшком, оправленным в камзол из тонкой добротной ткани. Но сейчас его дородность казалась жалкой и неестественной, как у раздувшейся падали. Он полусидел, полулежал в кресле, голова была запрокинута, открывая шею. Широкая, почти хирургически точная алая полоса пересекала его горло. А рот был насильно распахнут, и в него, словно в страшной, кошунственной пародии на весы правосудия, были втиснуты две латунные гири. Они блеснули тусклым, зловещим блеском в свете, что пробивался сквозь щели закрытых ставней.

Кристофер медленно обошёл тело, его взгляд скользил по деталям, как скальпель по коже, выискивая малейшие несоответствия. Разрез был один, чистый, глубокий. Сделан уверенной, сильной рукой, знающей, где проходит яремная вена. Это была не ярость, не слепая агрессия. Это была точность. Холодная, выверенная точность. Он перевёл взгляд на стену. Красный крест был нарисован углём, линия местами дрожала, но в целом была чёткой. А под ним — та самая надпись: «Мерзавец, скупающий хлеб у голодных». Буквы были выведены старательно, почти каллиграфически, с каким-то странным, вымученным старанием. Неграмотный, но умеющий писать. Сильный. Знает анатомию. Или привык резать. Исполнен праведного гнева, но контролирует себя. Хочет, чтобы его послание поняли.

Он опустился на корточки, разглядывая пол возле кресла. Между узорчатыми плитками застыла бурая капля, отличающаяся по цвету и текстуре от запёкшейся крови вокруг. Кончиком своего ножа он ковырнул застывшую субстанцию и поднёс лезвие к носу. Обоняние, уже притупленное городской вонью, уловило сладковатый, знакомый запах. Не кровь. Воск. Дорогой свечной воск. Его взгляд, словно у хищной птицы, скользнул по комнате и остановился на камине, где в массивном серебряном канделябре несколько свечей догорали, оплывшими саванами свисая с подсвечников. Убийца работал ночью. При свете. Но внимание Кристофера приковала другая свеча, одиноко стоявшая на маленьком столике у самого кресла — она сгорела лишь наполовину, и фитиль её был аккуратно, почти заботливо укорочен. Потушил её, уходя. Не спеша. Спокойно. Это была не торопливая, нервная работа палача, застигнутого врасплох. Это был ритуал, исполненный с леденящим душу уважением к акту возмездия.

Когда он поднялся, его колени хрустнули с таким громким звуком, что даже стражники за дверью на мгновение замолчали, и их приглушённый, испуганный шёпот вновь показался Кристоферу не просто болтовнёй, а частью общего заговора молчания, что окутал весь город.

— Ничего не трогать, — бросил он, проходя к выходу и чувствуя, как тяжесть этого места, этого убийства, этого послания, ложится ему на плечи неподъёмным грузом. — И никого не пускать. Даже ангелов с трубами, если таковые явятся.

— Сэр, — окликнул его старший стражник, — а что мы скажем, если спросят?

— Скажете, что чума, — не оборачиваясь, ответил Кристофер. Его голос прозвучал устало и безнадежно. — В наши дни этому верят охотнее, чем правде.

Он вышел на улицу. Плоский, мертвенный свет падал со свинцового неба, не принося ни тепла, ни утешения. Он сделал глубокий вдох, и его лёгкие наполнились не свободой, а всё тем же густым, чумным бульоном. Но теперь, поверх этой знакомой, давящей горечи, он уловил новый, отчётливый аромат — запах следования, тонкую, почти невидимую нить, которую ему предстояло распутать. Он не пошёл к лорд-мэру с пустыми руками и не направился в ближай-

шую таверну, чтобы утопить в пиве первые, тревожные догадки. Вместо этого он свернул в узкий, как щель, переулок, где тень от высоких домов поглотила его с головой, словно город впускал его в своё самое грязное, самое больное нутро. Ему нужно было понять, в чьих сердцах родилась и окрепла эта «карающая десница». Он шёл по пустынным улицам, и ему казалось, что за каждым закрытым ставнем на него смотрит чей-то голодный, полный затаённой ненависти взгляд. Он был на пути к тому, чтобы найти убийцу. Но с каждым шагом он всё сильнее чувствовал: то, что он ищет, — не человек. Симптом. Болезнь души, против которой нет ни лекарства, ни карантина. И он, Кристофер Рэдклифф, бывший шериф, а ныне — наёмник системы, должен будет вскрыть этот гнойник. С чего и начинал когда-то.

Глава 2

Кристофер Рэдклифф шагнул с порога дома Элдриджа, и мир, который ещё хранил какие-то следы порядка, остался за его спиной. Дверь захлопнулась, отсекая не просто комнату с трупом, а последний оплот условной законности. На Олд Фиш-стрит ещё витал призрак богатства — толстые дубовые двери, редкие прохожие с озабоченными лицами, запах воска и камфоры, вытесняющий чумной смрад. Но стоило ему свернуть в сторону Темзы, как город обрушился на него всей своей гниющей, неприкрытой правдой, вязкой и липкой, как смола.

Воздух стал не просто густым — он стал жидким, его приходилось буквально продирать, как паутину в заброшенном подвале. И этот воздух был наполнен не просто миазмами, а оглушительной, сюрреалистичной симфонией умирающего мегаполиса. Где-то впереди, на перекрёстке, стояла толпа. Не та, что спешит по делам, а та, что замерла в странном, почти религиозном ожидании. Кристофер приблизился, и картина открылась во всей своей чудовищной простоте. К позорному столбу была прикована худая, как тень, женщина. Её лицо было залито кровью из рассечённой брови, а глаза, широко раскрытые, смотрели в пустоту с безучастностью существа, уже покинувшего этот мир. Она не стонала, не просила пощады. Она просто ждала. Рядом с ней, размахивая точильным камнем, стоял мужчина в кожаном фартуке кузнеца. Лезвие его ножа с противным визгом скользило по камню, и этот звук резал воздух острее, чем сама сталь.

— Ведьма! — хрипел он, обращаясь к толпе, и слюна брызгала из его перекошенного рта. — Она наслала порчу на дом моего брата! Вся семья вымерла за неделю! Она приходила и просила хлеба, а он, добрый человек, не дал! Вот она и отомстила!

Толпа, состоящая из таких же измождённых, испуганных людей, чьи лица были серыми от голода и страха, подхватила этот крик. Он прокатился волной, животной и глухой. В воздух полетели комья засохшей грязи, гнилые овощи, камни, подобранные с мостовой. Один из камней, острый и увесистый, угодил женщине в висок. Она бессильно замотала головой, не в силах даже издать звук, и новая струйка крови потекла по её щеке. Её молчание, её полная отрешённость лишь раззадоривали толпу. В их глазах Кристофер видел не ярость, а животный, панический ужас. Они убивали не ведьму — они пытались убить саму чуму, воплотив её в образе самой беззащитной и доступной жертвы. Это был запах страха, и он был гуще, острее и отвратительнее любого запаха смерти. Кристофер прошёл мимо, не замедляя шага, чувствуя, как камень ложится в желудок. Его собственная ярость, холодная, целеустремлённая и одинокая, была ему нужнее, чем это тёплое, бестолковое соучастие в коллективном безумии. Он был охотником, а не стаей.

Он свернул на Ломбард-стрит, и здесь город преподнёс ему другой урок. Улица, ещё недавно кипевшая финансовой жизнью, теперь была пустынна и молчалива. Лавки менял и ювелиров были заперты, ставни наглухо закрыты, золото спрятано в подвалах. Лишь из одной конторы, отмеченной вывеской с изображением весов, доносились приглушённые, но оживлённые голоса. Кристофер замедлил шаг. Двое мужчин в дорогах, но покрытых дорожной пылью камзолах о чём-то горячо спорили, тыкая пальцами в разложенные на бочке бумаги. Их лица были сосредоточенны, в глазах горел не страх, а азарт.

— ...пока цены не рухнули окончательно, нужно скупать всё, что под залог! — говорил один, более молодой, с влажными, пухлыми губами. — Все эти лавки, дома... Пока эти дураки мрут, мы сможем скупить пол-Сити! Второй приход будет богаче первого!

Кристофер остановился, прислонившись к стене, и слушал, чувствуя, как холодная волна ненависти поднимается у него внутри. Это был тот же запах, что витал в кабинете Элдриджа, только здесь он был концентрированнее, наглее. Запах спекуляции. Запах тех, кто видел в агонии города не трагедию, а возможность. Запах системы, холодной и беспристрастной, как

столбцы цифр в счётных книгах. И кто-то, чей образ начинал проступать в сознании Кристофера, решил с этой системой покончить столь же беспристрастным, железным методом. «Мерзавец, скупающий хлеб у голодных». Фраза обретала плоть, обростала конкретными лицами, становилась осязаемой и оттого ещё более чудовищной.

По мере приближения к Темзе воздух густел до состояния бульона, становился практически осязаемым, им можно было подавиться. Здесь уже не жгли серу — не на что было. Здесь не запирались в домах — нечего было охранять. Здесь просто умирали, тихо и беспросветно.

Двери многих лачуг были помечены роковым красным крестом. У одной из них, совсем свежим, только что нанесённым, стояла высокая, чуть сторбленная фигура в длинном вошённом плаще и маске с клювом. Чумной доктор. Он что-то старательно выводил в толстой книге, его движения были медленными, отточенными, почти ритуальными. Увидев Кристофера, он на мгновение замер, и сквозь два круглых стекла очков на него уставились безжизненные, увеличенные кружки. Ни вражды, ни сочувствия, ни даже простого человеческого любопытства — лишь пустота, за которой скрывался человек, давно переставший быть человеком и превратившийся в функциональный придаток эпидемии. Доктор молча, не спеша, отвернулся и скрылся в переулке, его плащ шуршал по булыжникам, оставляя после себя сладковатый, приторный шлейф ароматических трав, бессильный перебить тяжёлую, густую вонь разложения, стоявшую здесь вечным памятником.

Именно здесь, в этом эпицентре человеческого страдания, на самой границе между сушей и мутными, отравленными водами Темзы, в полуразвалившемся сарае, некогда использовавшемся рыбаками, и обитала Мэг. Она была не просто «осведомительницей», одной из тех старух, что за плату осматривали трупы и выносили вердикт. Нет, она была чем-то большим — стражем этого порога, последней инстанцией, жрицей в своём собственном, смертельном культе. И Кристоферу, если он хотел докопаться до сути, предстояло пройти её испытание.

Сарай стоял криво, его доски почернели и прогнили от постоянной влаги, впитывая в себя запахи реки, гниющей рыбы и смерти. Дверь висела на единственной петле. Кристофер отодвинул её со скрипом, который прозвучал как предсмертный стон. Внутри царил полумрак, густой и неподвижный, прорезаемый единственным лучом света, падающим с дырявой крыши и выхватывающим из тьмы пылинки, кружащиеся в воздухе. В центре этого убогого пространства, на перевёрнутом ящике из-под сельди, сидела она. Мэг.

Она была закутана в несколько слоёв грязной, когда-то, видимо, тёмной ткани, отчего её фигура казалась бесформенной, похожей на огромный, сбившийся комок тряпья. На голове был намотан платок, из-под которого выбивались пряди спутанных, жирных, седых волос. Лицо — сморщенное, как печёное яблоко, испещрённое глубокими морщинами и тёмными пятнами, носило на себе отпечаток не лет, а бесконечного количества увиденных смертей. Но глаза... Глаза были живыми, острыми, пронзительными, как шило. Они были цвета мутного стекла, но в них горел неугомонный, цепкий огонёк. Эти глаза уставились на Кристофера без малейшего удивления, будто она не только ждала его, но и уже знала, с чем он пришёл.

— Новой работы для тебя нет, — проскрипела она, прежде чем он успел открыть рот. Голос у неё был хриплым, скрипучим, словно горло было пропитано той же гарью и копотью, что висела в воздухе над всем Лондоном. — Все места у меня заняты. Мёртвые не в счёт, очередь расписана на неделю вперёд.

— Я не за работой, Мэг, — Кристофер шагнул внутрь, стараясь дышать ртом, но это почти не помогало. Запах здесь был сложным, многослойным, как у хорошего вина, только вино это было отравленным. Здесь смешивались запахи дешёвого, палёного джина, едкого пота немытого тела, старой рыбы и чего-то ещё, сладковато-тяжёлого, въедливого, что проникало в одежду и в волосы и не выветривалось потом часами. Это был запах смерти, впитавшейся в самую кожу, ставшей сутью этого места и его хозяйки. — Я за информацией.

Старуха фыркнула, и её плечи, под толщей тряпья, затряслись от беззвучного, внутреннего смеха, больше похожего на приступ кашля.

— Информация? — переспросила она, растягивая слово. — Здесь, милоч, есть только один вид информации. Кто сдох, кто дохнет, и кто будет дохнуть завтра. Тебе какую? С указанием причины или без?

Кристофер молча достал из кармана монету — не ту, что дал посланец лорда-мэра, а свою, последнюю, ту, что он приберегал на самый чёрный день. Он положил её на ящик рядом с наполовину сгоревшей сальной свечой. Воск стекал густыми наплывами, как застывшие слёзы. Мэг на монету даже не взглянула, её взгляд был прикован к лицу Кристофера.

— Торговец шерстью. Элдридж. Его нашли сегодня утром на Олд Фиш-стрит.

— Слышала, — она кивнула коротко, почти по-военному, и её взгляд стал пристальнее, острее. — Говорят, не чума. Говорят, ему горло перерезали. Интересно. Чума косит, как косарь на поле, а кому-то неймётся свою, индивидуальную работу делать. Ревность, что ли?

— Ты его видела? До того, как его нашли? Осматривала?

— Зачем мне богатый торговец? — она скривила беззубый рот в гримасе, напоминавшей ухмылку. — Его в мою ведомость не запишешь, в протокол не внесёшь. Со своими, простыми покойниками не управиться. Вон, — она мотнула головой в сторону города, и её подбородок дрожал, — каждый день по десятку, а то и больше, новых. Руки отваливаются писать, ноги — ходить. А ты про какого-то толстосума.

— Но ты знаешь всех, Мэг, — Кристофер не повышал голоса, он говорил ровно и спокойно, вкладывая в слова всю свою усталость и решимость. — Знаешь, кто на что живёт. И кто с кем водится. Скажи, он и впрямь хлеб скупал? Зерно?

Старуха помолчала, её пальцы — длинные, узловатые, с почерневшими от грязи и, возможно, чего-то ещё, суставами — принялись методично постукивать по краю ящика, отбивая какой-то свой, тайный ритм.

— А тебе-то какое дело? — наконец выдавила она, и в её голосе послышались нотки не только презрения, но и живого любопытства. — Ты что, с лорда-мэра? Придворный сыщик? — Она окинула его с головы до ног насмешливым взглядом. — Нет, не похож. Слишком голодный вид. Оборванный. И запах от тебя... не казённый. Отчаянный.

Кристофер не стал спорить, оправдываться или угрожать. Он просто ждал, глядя на неё своим тяжёлым, уставшим взглядом. Он знал, что её молчание, как и её болтовню, можно купить, но не только и не столько монетой. Ей, запертой в этом сарае с мертвецами, нужна была причина, интерес, новая игрушка, чтобы развеять скуку вечного свидания со смертью. Или, что более вероятно, ей нужно было убедиться, что он не принесёт ей новой беды.

— Хлеб... — наконец протянула Мэг, растягивая слово, и её взгляд ушёл куда-то в сторону, в прошлое, которого, казалось, в этом аду уже не существовало. — Да, скупал. Он и его компаньон. — Она выдохнула, и слова посыпались, как спелые гнилые ягоды с куста. — Сэр Талбот, один из олдерменов, нотариус Элдридж... — она выпалила несколько фамилий и имён, которые Кристофер тут же, с почти физическим усилием, засёк в памяти, ощущая, как в голове начинает складываться первый, смутный контур заговора. — Скупают зерно, пока цены низкие, прячут по своим амбарам, нанимают охрану. Сидят, ждут. Ждут, когда цена до небес взлетит, когда паника достигнет пика. Умно. Грешно, чёрт возьми, но умно. Вон, — она снова, уже в который раз, мотнула головой в сторону невидимого города, — народ с голоду пухнет, матери детей на помойках оставляют, а у них, у сукиных сыновей, амбары ломаются. Чума им в помощь, правильно я говорю?

Она уставилась на Кристофера, и в глубине её мутных, старческих глаз вспыхнул и тут же погас какой-то странный, уставший огонёк. Не праведный гнев, не ненависть, а скорее мрачное, циничное удовлетворение от того, что картина мира, и без того уродливая, подтверждает свою уродливость.

— Так что твой торговец, получается, получил по заслугам. По справедливости, значит. Кто бы его ни прирезал, тот, выходит, за народ заступился. Почти что святой человек. Народный мститель.

— Святые не режут глотки, Мэг, — тихо, но очень отчётливо сказал Кристофер. — И не суют гири от весов в рот. Это не справедливость. Это убийство.

— А чем ещё с такими бороться? — она с силой плюнула в тёмный угол сарая, и слюна, тёмная и густая, бесшумно шлёпнулась о гнилые доски. — Молитвой? Так молились — чума только сильнее стала. Властям на всех наплевать. Может, пора и за нож взяться, коли другой управы нет. Своими руками правду делать.

Кристофер смотрел на неё, и в его сознании с тихим щелчком вставал на место ещё один кусок пазла. Общественное мнение. Та самая почва, на которой произрастает ненависть. Убийца в глазах таких, как Мэг, и, вероятно, в глазах тысяч других, был не чудовищем, не маньяком. Он был героем. Мстителем. Палачом, пришедшим туда, где бессилён был закон. И это осознание делало его в тысячу раз опаснее любого обычного преступника. Он был не просто человеком с ножом; он был идеей. А идеи, как и чума, заразны.

— Ты слышала что-нибудь о других смертях? — спросил он, меняя тактику, переводя разговор в более практическую плоскость. — О таких же? Не от чумы. Со странностями. С крестами на стенах.

Мэг наклонилась вперёд, и луч света с потолка упал прямо на её лицо, выхватывая из тьмы каждую морщину, каждую трещинку на её высохшей, как пергамент, коже. Морщины были глубокими, как промоины на высохшей от засухи земле.

— А почему ты спрашиваешь, милоч? — прошептала она, и в её шёпоте послышался неподдельный интерес. — Чумы тебе мало? Новых развлечений захотел? Или чувствуешь, что тут дело нечисто?

— Я думаю, этот... мститель... мог ошибиться. Или ему понравилось. Такое бывает. Вкус крови кружит голову.

Старуха долго смотрела на него, не мигая, словно взвешивая его на невидимых весах, решая, стоит ли доверять, стоит ли впутываться. Наконец она откинулась назад, и тень снова поглотила её лицо.

— Была одна смерть, — сказала она так тихо, что Кристоферу пришлось податься вперёд. — Три дня назад. На Гриндлерс-лейн. Вон там, — она мотнула головой в сторону, противоположную от Темзы. — Бедный квартал, трущобы. Старика нашли. Тоже с перерезанным горлом. И тоже с крестом на стене.

Кристофер замер, перестав дышать. Сердце у него ушло куда-то в пятки, а потом с силой ударило в грудь. Не один. Их было уже как минимум двое.

— И что же на кресте было написано? Какая надпись?

— Ничего, — покачала головой Мэг. — Просто крест. Красный. Кривой такой, торопливый. Я сама видела, когда тело увозили, успела глянуть. Все, естественно, подумали, что чума, раз крест. Но бубонов не было. Ни одного. Шея... — она сделала резкое движение рукой у своего собственного горла, — чистейший разрез. Аккуратный. Как у твоего торговца.

Ледяная, цепкая рука сжала сердце Кристофера. Не один. Убийца начинал не с громкого заявления. Он начинал с тренировки. Если первая, пробная жертва — старик из бедного квартала, никому не нужный, чья смерть не вызовет шума, — осталась без послания, значит, убийца только учился, наращивал мускулы, оттачивал технику. А Элдридж, громкий, ненавистный спекулянт, стал его первым настоящим заявлением, выходом на сцену. И это означало, что спектакль только начинается.

— Запомни, милоч, — голос Мэг, внезапно снова ставший громким и ясным, вернул его к реальности. — В этом городе сейчас два мора. Две повальные болезни. Одна — от Бога или от дьявола, уж не знаю. А другая... — она усмехнулась, оскалив свой беззубый, тёмный рот,

в котором было что-то от пасти древнего хищника, — другая — от людей. И вторая, я тебе скажу, пострашнее будет. Она целенаправленная.

Кристофер не стал медлить. Слова Мэг повисли в воздухе сарая не предупреждением, а приговором — приговором всему городу, который он и так чувствовал кожей. Он кивнул старухе, коротко, без слов благодарности — в их отношениях не было места для подобного. Монета так и осталась лежать на ящике, тускло поблёскивая в свете огарка. Он развернулся и вышел, и скрип двери позади прозвучал как щелчок затвора, запирающий очередную тайну.

Гриндлерс-лейн оказалась ещё уже и грязнее, чем он представлял. Это была не улица, а щель, прорубленная между двумя кривыми, вот-вот готовыми рухнуть домами. Солнце сюда, казалось, не заглядывало никогда. Воздух был спёртым, влажным и тяжёлым, пахнущим плесенью, мочой и тем особенным запахом нищеты, который не выветривается веками. Дверь в указанный Мэг дом была заколочена крест-накрест двумя грубыми досками, но одна из них у основания отходила, образуя щель, в которую мог протиснуться худой человек. Кристофер, не раздумывая, присел, отодвинул её с глухим стуком и вполз внутрь, как червь в гниющее яблоко.

Внутри было темно и тесно. Комната, если это можно было так назвать, была крошечной, с земляным полом, липким от сырости, и одним крошечным, наглухо заколоченным окном, сквозь щели которого пробивались тонкие лучики света, выхватывающие из мрака кружащиеся пылинки. Мебели почти не было — лишь остов развалившейся кровати с пучком сена вместо матраса и табурет с отломленной ножкой. И на стене, прямо напротив входа, как и говорила Мэг, был нарисован красный крест. Он был меньше, чем у Элдриджа, нарисован небрежнее, линии дрожали и плыли, уголь крошился по краям. Но это был тот же символ. Та же рука. Тот же приговор.

Кристофер замер у входа, давая глазам привыкнуть к полумраку, а носу — к новым запахам. Пахло пылью, затхлостью и... почти ничем. Не было того густого, сладковатого запаха недавней смерти, что витал в доме Элдриджа. Тело отсюда вывезли, и комната уже начала возвращаться к своему вечному состоянию забвения. Он медленно двинулся вперёд, его сапоги бесшумно вязли в мягком земляном полу.

Он искал не улики — их здесь, скорее всего, не было. Он искал ощущение. Он хотел понять разницу между двумя убийствами. И разница была очевидна с первого взгляда. Там — богатый кабинет, кресло, гири в рот, обличительная надпись. Здесь — голая конура, быстрая, почти имперсональная казнь и лишь молчаливый крест, как клеймо. Это было не заявление. Это была репетиция.

Он опустился на колени, внимательно изучая пол. Следы были, и много. Грубые, глубокие отпечатки сапог стражников, которые волокли тело. Беспорядочные, мелкие следы, оставленные, вероятно, соседями или теми, кто нашёл старика. Но его взгляд, выхватенный лучом света из-под двери, уловил нечто иное. В углу, у самой стены, там, куда не ступала нога городской стражи, под обломком доски отпечатался чёткий, почти полный след. Он был меньше, изящнее. Это был след не сапога, а башмака. И на его подошве, в самом центре, был вырезан странный, геометрический узор. Кристофер наклонился ниже, почти касаясь носом земли, вглядываясь. Это не была звезда. Это было что-то вроде... шестиугольника, внутри которого были прорезаны более тонкие линии. Метка. Целенаправленная метка на подошве, оставленная человеком, который не хотел, чтобы его путали с другими. Или который принадлежал к чему-то, что требовало такой идентификации.

Он провёл пальцем по отпечатку, ощущая холод земли. Ничего другого. Ни клочка бумаги, ни оброчной вещицы, ни единой зацепки, которая связала бы этого бедного, без-

вестного старика с богатым торговцем Элдриджем. Их миры не просто не соприкасались — они существовали в разных вселенных. Но их смерти связала одна и та же рука. Один и тот же разум. Убийца не выбирал жертвы случайно. Он следовал своей, пока неясной для Кристофера, логике. Он практиковался на том, кого не будут искать, а затем совершил свой главный, демонстративный удар. И теперь, получив вкус к этому, получив признание в лице таких, как Мэг, он наверняка готовился к следующему акту своей кровавой пьесы.

Кристофер поднялся, отряхнул колени. Он в последний раз окинул взглядом эту каморку, эту могилу при жизни, и вышел обратно на Гриндлерс-лейн. Свет, пусть и тусклый, после крошечной тьмы внутри ударил в глаза. Он прислонился к стене, чувствуя, как холод камня проникает сквозь ткань плаща.

Город вокруг молчал, но это было не мирное молчание. Это была гнетущая, зловещая тишина зверя, затаившегося в засаде, притаившегося перед решающим прыжком. Где-то там, в этих лабиринтах чумных улиц, за заколоченными окнами, в дымных подвалах таверн, двигался призрак убийцы. Не призрак в буквальном смысле, а человек из плоти и крови, но одетый в маску праведного гнева. В его голове, под черепной коробкой, зрела идея. Идея, которая казалась ему единственно верной, единственно справедливой. Идея о том, что старые инструменты — закон, власть, мораль — сломаны, и единственное, что осталось — это нож и своя собственная, жестокая правда.

Кристофер Рэдклифф, бывший следователь, изгой и циник, понимал теперь с пугающей ясностью, что он не может просто искать убийцу, как ищут вора или грабителя. Он должен был опередить его. Он должен был понять его логику, проникнуть в его больной, изуродованный мир, предугадать следующий шаг в этой страшной шахматной партии, где фигурами были человеческие жизни. И для этого ему нужно было спуститься в ту самую бездну, из которой этот мститель и поднялся. Ему нужно было погрузиться в мир голодных и обездоленных, в мир тех, для кого смерть Элдриджа была не преступлением, а актом высшей справедливости, праздником, о котором они шептались по тёмным углам. Ему нужно было найти тех, кто видел в красном кресте не знак чумы, а знамя.

Он оттолкнулся от стены. Его лицо, всегда отрешённое, теперь стало похоже на маску из твёрдого, холодного камня. Решение было принято. Он повернулся и твёрдым шагом пошёл прочь от Гриндлерс-лейн, оставляя позади призрак первой, никому не ведомой жертвы. Его путь лежал не просто в тущобы. Его путь лежал в самое сердце тьмы, которая породила его добычу. Охотник выходил на тропу, и он понимал, что его добыча была уже не просто человеком с ножом. Она была символом. Она была болезнью. И Кристоферу Рэдклиффу предстояло сразиться не только с ним, но и с той длинной, искажённой тенью, которую он отбрасывал на стены умирающего города. Тенью, в которой уже сейчас тысячи отчаявшихся готовы были увидеть своего спасителя.

Глава 3

Войдя в трущобы, Кристофер словно переступил через невидимую черту, за которой заканчивалась даже та полупризрачная законность, что царила на окраинах. Здесь не было ни стражников, ни чумных докторов, ни даже красных крестов на дверях — их уже некому и не для чего было ставить. Воздух был густым и неподвижным, пахшим испарениями тысяч тел, ютящихся в гниющих норах, и едкой гарью костров, на которых жгли всё, что могло гореть, — от старой мебели до обугленных останков домашних животных. Улицы здесь не мостили, и его сапоги вязли по щиколотку в холодной, липкой грязи, состоящей из нечистот, золы и бог весть чего ещё.

Он шёл, и на него смотрели. Из-за разваленных заборов, из окон, затянутых грязной тряпкой, из-под мостков, ведущих к чёрным, как дёготь, водам каналов. Взгляды были пустыми, безразличными или же, наоборот, слишком внимательными, сверлящими, полными немого вопроса. Он был здесь чужаком, и его плащ, пусть и поношенный, и его осанка, выдавшая бывшую привычку к иной жизни, кричали об этом. Он был куском мяса, забредшим в логово стаи, которая уже забыла вкус нормальной еды. Голод был здесь не абстракцией, а физическим присутствием, ещё одним жителем этих трущоб. Он витал в впалых щеках стариков, сидел в огромных, лихорадочно блестящих глазах детей, прятался в складках бессильно опущенных рук. Это была та самая почва, на которой проросла ненависть, приведшая к смерти Элдриджа. И Кристоферу нужно было вдохнуть этот воздух, чтобы понять правила игры.

Он бесцельно брёл по лабиринту зловонных переулков, не зная, с чего начать. Спросить о «мстителе» напрямую было бы самоубийством. Здесь царил закон молчания, рождённый вековым недоверием ко всему, что приходит извне. Он заметил группу людей у дымящегося котла; тот стоял на треноге над слабым огнём. В котле что-то булькало — похоже, варилась похлёбка из какой-то зелени и костей. Запах был тошнотворным. Он приблизился, стараясь выглядеть не угрожающе.

— Хлеба нет, — сиплый голос раздался из-за его спины. Кристофер обернулся. К стене прислонился мужчина с лицом, испещрённым оспинами, и пустыми глазами. — А если и есть, то не для таких, как ты.

— Я не за хлебом, — тихо сказал Кристофер.

— Тогда за чем? За смертью? Её тут навалом. Бери, не жалко.

Кристофер покачал головой. Он смотрел на людей у котла. Они не смотрели на него. Их внимание было приковано к жидкой бурде, которая могла стать их единственной едой за день. В их позах, в их молчании была такая гнетущая безысходность, что у него сжалось сердце. Какой-то мститель, карающий богачей, был для них не реальностью, а сказкой, мифом, слишком возвышенным для их грязного, приземлённого ада.

Именно в этот момент до него донёсся новый звук, ворвавшийся в гулкое молчание трущоб. Сначала это был далёкий гул, похожий на ропот прибора. Потом гул стал ближе, и в нём начали проступать слова. Голос. Низкий, мощный, звенящий металлом и фанатичной верой. Он нёсся над крышами лачуг, заполняя собой всё пространство, как набат.

Кристофер пошёл на звук, инстинктивно чувствуя, что это и есть тот магнит, который притягивает сюда всё отчаяние и всю ярость. Он свернул за угол и остановился.

Перед ним была небольшая, утрамбованная площадка, вероятно, когда-то служившая рынком. Теперь она была заполнена людьми. Сотнями людей. Они стояли плечом к плечу, грязные, измождённые, с горящими глазами. И все они смотрели на одного человека, который стоял на возвышении — на опрокинутой телеге, с которой давно сняли колёса. По бокам телеги замерли двое в тёмных плащах с надвинутыми капюшонами.

Это был Эзекииль.

Он был высок и худ, его фигура под длинным, тёмным, словно выцветшим от непогоды, плащом казалась неестественно прямой и жёсткой, как стальной прут. Лица его не было видно — оно скрывалось в глубокой тени капюшона. Но из этой тени исходил голос, который заставлял кровь стынуть в жилах.

— И узрел я, — гремел он, и его слова падали на толпу, как удары молота, — город, вознёсший гордыню свою выше башен Вавилона! Город, утопающий в роскоши и пороке! И воззрел Господь на него, и не узрел в нём ни капли веры, ни искры раскаяния!

Он не кричал. Его голос был ровным и невероятно громким, он проникал в кости, в мозг, в самое нутро.

— И наслал Он на него язвы! Наслал мор и глад! Ибо сказано: «Мною клянусь, говорит Господь, за то, что ты сделал это, и не пожалел сына твоего, единственного твоего...» Но что же вижу я? Вижу ли я смиренных? Вижу ли я кающихся?

Он сделал паузу, и в этой паузе повисло напряжение тысяч затаённых дыханий.

— Нет! — его рука в чёрной перчатке взметнулась из-под плаща, указывая на толпу, на город за ней. — Я вижу тех, кто и в час Господней кары не оставил грехов своих! Я вижу торгашей, скупающих хлеб у умирающих! Я вижу власть имущих, прячущихся за стенами своих особняков! Я вижу вас... — его палец обвёл толпу, и люди замерли, — я вижу вас, отчаявшихся, но не молящихся! Ропщущих, но не кающихся!

Кристофер стоял на окраине толпы, чувствуя, как холодная мурашка пробегает по его спине. Это был не просто фанатик. Это был виртуоз. Он играл на самых тёмных струнах человеческих душ — на страхе, ненависти и отчаянии. Он не утешал. Он обвинял. И в этом обвинении была странная, извращённая надежда для тех, кто уже ничего не ждал.

— Господь карает вас за грехи! — продолжал Эзекииль, и его голос зазвучал пронзительнее. — Но разве не сказано, что меч Его — в руках праведных? Разве не может рука человека стать орудием воли Его? Когда закон безмолвствует, когда судьи слепы, когда сама власть погрязла в пороке, кто восстанет на защиту обездоленных?

В толпе прошёл ропот. Слово «мститель» не прозвучало, но оно витало в воздухе, тяжёлое и соблазнительное.

— Явлены ли вам знамения? — голос проповедника упал до страшного, интимного шёпота, который, тем не менее, был слышен на краю площади. — Не получают ли по заслугам те, кто грабил и угнетал? Не есть ли это перст Господень? Не время ли нам, оставшимся, очистить этот город от скверны, которую не смыла чума?

Кристофер смотрел на него, и его профессиональный, аналитический ум, несмотря на весь ужас происходящего, работал без сбоев. Эзекииль не призывал напрямую к убийству. Он лишь задавал вопросы. Он лишь указывал на «знамения». Он создавал идеологическое оправдание для того, что уже происходило. Он был не вдохновителем, а... легитиматором. Он брал сырое, тёмное чувство мести и облачал его в одежды божественной воли. И в этом была его чудовищная сила.

Проповедь длилась ещё полчаса. Эзекииль говорил о грехе, о каре, о гневе Божьем, о грядущем очищении огнём. И когда он закончил, не попрощавшись, не благословив толпу, а просто развернувшись и сойдя с телеги, чтобы раствориться в узком переулке, за ним бесшумно последовали двое из-под телеги, на площади ещё долго стояла гробовая тишина. А потом люди стали медленно расходиться, но в их глазах горел новый огонь. Не надежды. Ненависти. Оправданной, освящённой ненависти.

Кристофер стоял, прислонившись к стене, и понимал, что нашёл не просто улику. Он нашёл источник заразы, куда более опасной, чем чумная палочка. Он нашёл того, кто превращал «мстителя» из одинокого убийцы в главу целого движения. И он понял, что времени у него ещё меньше, чем он думал. Пока он искал тень, тень уже обрела голос. И этот голос звучал для тысяч готовых слушать.

Толпа медленно растекалась по гнилым артериям трущоб, унося с собой заразу новых мыслей. Кристофер оттолкнулся от стены, его взгляд был прикован к тому переулку, где распустилась тёмная фигура. Он должен был идти за ним. Не для того, чтобы схватить — это было бы безумием, — а чтобы понять. Увидеть, куда ведут его следы, кто его окружает, есть ли у него убежище, сообщники.

Он двинулся вслед, стараясь не выделяться, растворяясь в потоках расходящихся людей. Воздух снова стал густым и вонючим, но теперь он был наполнен не просто миазмами, а невидимым электричеством — отзвуком только что произнесённых слов. Люди проходили мимо, бормоча что-то себе под нос, их кулаки были сжаты, а глаза блестели лихорадочным блеском. Эзекииль не просто говорил — он закладывал в них детонатор.

Переулок, в который свернул проповедник, был ещё уже и темнее остальных. Он вёл вглубь трущоб, к самой реке, где дома стояли на сваях, уходящих в чёрную, маслянистую воду. Кристофер замедлил шаг, прижимаясь к стене. Впереди, метров за пятьдесят, тёмный плащ мелькнул между двумя лачугами и исчез. Кристофер ускорился, стараясь ступать бесшумно.

Но он был не один. Из тени, откуда только что скрылся проповедник, вышли те двое. Не нищие, не голодные оборванцы. Эти двое стояли прямо, их плечи были расправлены, а движения — собранными и чёткими. Они были одеты в тёмные, простые, но крепкие одежды, а их лица были скрыты глубокими капюшонами. Стража. Личная гвардия пророка.

Они не преградили ему путь, не сказали ни слова. Они просто стояли, блокируя узкий проход, и смотрели на него из-под своих капюшонов. Молча. В их позах не было агрессии — лишь холодная, абсолютная уверенность в своём праве быть здесь и не пускать таких, как он. Это был не физический барьер, который можно было проломить, а стена из молчаливого презрения.

Кристофер остановился. Он понял, что дальше пройти не сможет. Попытка силового прохода была бы бессмысленной и выдала бы в нём чужака, человека системы, что было сейчас смертельно опасно. Он встретился взглядом с тем, кто стоял слева. Глаз он не увидел — лишь глубокую тень. Но он почувствовал на себе тяжёлый, оценивающий взгляд. Охотник встретился с другими охотниками, и они мгновенно распознали в нём угрозу.

Он медленно, не делая резких движений, отступил на шаг, потом на другой. Стража не шелохнулась. Они просто наблюдали, как он отходит, как дикое животное, понявшее, что территория помечена. Развернувшись, Кристофер пошёл обратно, чувствуя их взгляды у себя в спине. Он не оборачивался. Он знал — они будут стоять там, пока не убедятся, что он ушёл.

Этот провал лишь подтвердил его опасения. Эзекииль был не уличным сумасшедшим. У него была организация. Дисциплина. Он был генералом, готовящим свою армию к войне, и его штаб был надёжно защищён.

Вернувшись на площадь, Кристофер увидел, что она почти опустела. Лишь несколько старух, не обращая на него внимания, копошились у подножия пустой телеги, словно надеясь найти там крупницы харизмы, упавшие с проповедника. Он подошёл к одной, самой древней, с лицом, похожим на высохшую грушу.

— Сильный голос у проповедника, — произнёс Кристофер нейтрально, стоя в паре шагов от неё.

Старуха подняла на него мутные глаза и что-то прохрипела, но слов разобрать было невозможно. Она сделала жест рукой, будто отмахиваясь от мухи, и отвернулась.

«Не выйдет, — понял он. — Они не будут говорить с чужаком».

Ему нужен был другой путь. Ему нужен был кто-то, кто знает эти трущобы, но не слепо предан Эзекиилю. Кто-то, у кого есть свои причины ненавидеть систему, но кто ещё не оконча-

тельно потерял связь с реальностью. Его мысли снова вернулись к Мэг. Она была частью этого мира, но её цинизм был слишком велик, чтобы безоговорочно верить в какого-то пророка. И она была осведомительницей — её работа заключалась в том, чтобы знать всё и обо всех.

Он уже собирался повернуть обратно к её сараю, когда его взгляд упал на мальчишку. Лет десяти, не больше. Весь в грязи, с большими, слишком умными для его возраста глазами. Мальчик стоял поодаль, прислонившись к забору, и внимательно, без страха, смотрел на Кристофера. В его руке был кусок гнилой доски, которым он что-то чертил на земле.

Кристофер медленно подошёл к нему, стараясь не спугнуть. Мальчик не убежал. Он лишь перестал чертить и уставился на незнакомца.

— Ты его слушал? — тихо спросил Кристофер, кивая в сторону пустой телеги.

Мальчик молча кивнул.

— Часто он приходит?

— Иногда, — голос у мальчика был хриплым, как у старика. — Когда людей много набирается. Говорит, что всех нас спасёт.

— А ты веришь?

Мальчик пожал одним плечом.

— Он хлеба не даёт. Словами сыт не будешь.

Вот оно. Трезвый, голодный цинизм, пробивающийся сквозь любую пропаганду.

— А те, кто с ним? — Кристофер кивнул в сторону переулка. — Те, в капюшонах. Ты их знаешь?

Мальчик нахмурился, его взгляд стал осторожнее.

— Они ни с кем не водятся. Приходят с ним, уходят с ним. Как тени.

— И никто не знает, где они живут?

Мальчик покачал головой. Потом его взгляд скользнул по плащу Кристофера, по его сапогам, и в глазах мелькнула хитрая искорка.

— А у тебя есть монета?

У Кристофера не было монет. Последнюю он оставил Мэг. Но у него было кое-что другое. Он сунул руку в карман и достал кусок чёрствого хлеба, который прихватил утром из таверны, так и не съев его. Он протянул хлеб мальчику.

Тот схватил его с жадностью, которой стыдиться здесь, видимо, не приходилось, и сунул за пазуху, словно драгоценность.

— Они уходят к старой церкви, — быстро и тихо проговорил мальчик, озираясь. — Туда, где святой Клемент. Она сгорела весной. Там теперь никто не бывает. Кроме них.

Церковь святого Клемента. Сгоревшая руина. Идеальное убежище для призраков.

— Спасибо, — сказал Кристофер.

Мальчик уже отступал назад, готовый скрыться в лабиринте переулков.

— Ты его ищешь? Проповедника? — вдруг спросил он.

Кристофер колебался лишь мгновение.

— Да.

— Тогда ты или дурак, или мертвец, — без обиды констатировал мальчик и, развернувшись, пулей выстрелил в узкий проход между домами, исчезнув из виду так же быстро, как и появился.

Кристофер остался один на опустевшей площади. У него теперь было направление. Сгоревшая церковь. Логово пророка. Но идти туда сейчас, среди бела дня, одному, было бы чистым безумием, о чём ему только что любезно сообщили. Эзекииль был защищён не только своей стражей, но и ореолом святого в глазах своей паствы. Один неверный шаг — и толпа, сегодня смотревшая на него с надеждой, завтра могла растерзать его как шпиона.

Он повернулся и пошёл прочь из трущоб. Ему нужно было вернуться к Мэг. Не только чтобы сообщить о находке, но и чтобы найти способ проникнуть в логово зверя, не став его

ужином. Охота усложнялась. Его добыча обростала плотью и кровью, обретая имя, лицо и армию преданных фанатиков. И Кристофер Рэдклифф понимал, что в одиночку эту войну ему не выиграть. Ему нужен был союзник в самом сердце тьмы. И самой тёмной фигурой, которую он знал, была старая, циничная жрица смерти по имени Мэг.

Глава 4

Возвращаясь из трущоб, Кристофер чувствовал, как город меняется вокруг него. Он шёл не просто по улицам — он шёл по нервной системе гигантского, больного организма, и проповедь Эзекииля была подобна мощному удару, после которого по всем волокнам пошла судорожная дрожь. В воздухе висело не просто привычное отчаяние, а новое, агрессивное напряжение. Взгляды, которые он ловил, были уже не просто пустыми или испуганными — в них читался вызов, немой вопрос: «А ты на чьей стороне?»

Он не пошёл прямо к сараю Мэг. Сначала он зашёл в свою берлогу — крошечную комнатушку на третьем этаже полуразрушенного дома, за которую он не платил уже два месяца. Хозяин, скорее всего, сдох. Комната была почти пустой: соломенный тюк в углу, деревянный сундук с парой сменных рубаш, кувшин с застоявшейся водой и ящик, где лежали его инструменты — нехитрый набор для вскрытия замков, несколько лезвий разного калибра и свёрток с ворованными документами, которые могли пригодиться. Он снял плащ, пропахший дымом трущоб и чужим потом, и налил себе воды. Руки дрожали — не от страха, а от адреналина и той концентрации, которую требовала охота за призраком, обретшим плоть.

Он подошёл к узкому окну, выглядывающему на внутренний двор-колодец. Отсюда был виден лишь клочок неба, серого и низкого, как крышка гроба. Патологоанатом правды, — с горькой усмешкой подумал он. Вот он, его кабинет. Воняет плесенью и разложением, а не воском и дубом, как когда-то. Но суть работы та же — вскрывать, препарировать, искать гниль под поверхностью. Элдридж, старик на Гриндлерс-лейн, а теперь и этот проповедник — все они были симптомами одной болезни. Болезни под названием «Лондон, 1665 год».

Он снова направился к Мэг. На этот раз его путь лежал через район, где ютились ремесленники и мелкие торговцы. Здесь чума бушевала с особым, избирательным цинизмом. Заболевал один в семье — вымирала вся мастерская, лишаясь кормильца и навыков. Лавки стояли заколоченные, и на их дверях висели не только красные кресты, но и отчаянные, написанные углём надписи: «Ищу работу», «Продам инструменты», «В долг не давать».

И именно здесь, на перекрёстке, он увидел новое знамение. Толпа. Но на этот раз не завожжённая речами пророка, а возбуждённая, галдящая. Люди столпились перед дверью одной из лавок, над которой болталась вывеска с изображением ступки и пестика. Аптека.

Кристофер почувствовал знакомый холодок под ложечкой. Он ускорил шаг.

— Дьявол! Поделом ему! — кричал какой-то мужчина, размахивая кулаком.

— Говорил же всем, что зелья его — отравы!

— Сам Господь покарал!

Кристофер, расталкивая людей, пробился к передней шеренге. Дверь в аптеку была распахнута настежь. Внутри, на полу, среди разбросанных склянок, растоптанных сушёных трав и тёмного, липкого пятна, что-то варившегося в разбитом котле, лежало тело. Мужчина в длинном, запачканном фартуке. Аптекарь. Его шея была перерезана с той же хирургической точностью. А в его распахнутый, искажённый ужасом рот была заткнута разбитая мензурка, осколки стекла впивались в нёбо и язык. И на стене за ним, поверх полок с пузырьками, алым углём сияла та самая надпись: «Продавец яда страждущим».

Новая жертва. Новое послание. «Мститель» работал быстро. Слишком быстро. После громкого удара по Элдриджу он не затаился, не выждал. Он нанёс следующий удар, подтверждая свой манифест. Он не просто мстил — он вещал.

Кристофер не стал заходить внутрь. Одного взгляда, выхватившего из полумрака лавки искажённое маской ужаса лицо, оскал белых зубов вокруг осколков мензурки и алую надпись на стене, ему хватило. Он отступил назад, в гвалт толпы, но его сознание уже отделилось от происходящего, уйдя в холодные, безвоздушные пространства анализа.

Аптекарь. Не чета богатому Элдриджу, но столь же ненавистный в своём масштабе. Тот грабил оптом, скупая хлеб; этот — в розницу, торгуя ложной надеждой, разлитой в склянки. Метод не изменился — всё то же хирургическое рассечение горла, без лишней жестокости, с леденящей душу эффективностью. Но послание эволюционировало. Вместо гирь — разбитая мензурка, столь же красноречивая в своём символизме. И слова: не общее «мерзавец», а конкретное, как удар кинжала, обвинение — «продавец яда страждущим». Убийца не просто карал. Он выносил приговор, и с каждой новой жертвой его юридическое красноречие росло. Он оттачивал не только лезвие, но и перо, превращаясь из палача в пропагандиста, чьи манифесты писались кровью.

И тут мысль Кристофера совершила прыжок. Эзекииль. Его проповедь. «Не падают ли тираны от руки неведомой? Не получают ли по заслугам те, кто грабил и угнетал?» Это было не просто риторика. Это был комментарий к уже свершившемуся деянию. Проповедник знал. Он знал об Элдридже, а возможно, знал и о том, что готовится новый удар. Была ли между ними связь? Был ли Эзекииль вдохновителем? Или он, как и Кристофер, лишь внимательный наблюдатель, использующий чужие преступления для разжигания своего огня?

Кристофер развернулся и пошёл прочь от возбуждённой, ликующей толпы. Ему было ясно одно: «Мститель» и Эзекииль были двумя лезвиями одних ножниц, смыкающимися на горле города. И ему нужно было успеть вставить между ними свою руку, прежде чем они срежут всё окончательно.

Он почти бежал теперь, его длинные ноги легко перешагивали через груды мусора и спавших вповалку пьяниц. Сарай Мэг появился впереди, такой же мрачный и незыблемый, как скала в бушующем море. Он не стал стучать, просто отодвинул скрипящую дверь.

Мэг сидела на своём ящике. Казалось, она не двигалась с тех пор, как он ушёл. Та же свеча, тот же запах. Но на этот раз её взгляд был другим — не острым и оценивающим, а... усталым. По-настоящему, до костей усталым.

— Ну что, милоч, — проскрипела она, не дожидаясь его вопросов. — Нашёл своего святого?

Кристофер, запыхавшись, остановился перед ней.

— Нашёл. И нашёл ещё кое-что. Аптекаря на Бейкерс-лейн. Горло перерезано. В рот заткнули мензурку.

Мэг медленно кивнула, словно ожидала этого.

— Слышала. Уже долетело. Народ ликует. Говорят, ангел-мститель снова нанёс удар.

— Это не ангел, — отрезал Кристофер. — И он не один. У него есть рупор. Проповедник. Эзекииль. Он знал. Он говорил об этом, как о знамении.

Впервые за всё время он увидел, как в глазах Мэг мелькнуло что-то, похожее на интерес. Не циничный, а живой.

— Эзекииль? — переспросила она. — Так вот как его зовут. Ходят слухи о каком-то пророке в трущобах. Говорят, у него есть видения. Что скоро придёт великое очищение.

— У него есть охрана. Дисциплинированная. И логово. Сгоревшая церковь Святого Клемента.

Мэг задумалась, её корявые пальцы снова забарабанили по ящику.

— Церковь... — протянула она. — Значит, всерьёз. Не просто шарлатан. А что ты хочешь, милоч? Ворваться туда с ножом? Один?

— Я хочу знать, что там происходит. Я хочу увидеть его не на трибуне, а в его логове. Узнать, кто его окружает. Есть ли у него... гости.

Он имел в виду «Мстителя». Мэг поняла это без слов.

— В одиночку — смерть, — констатировала она. — Его стражники тебя в клочья порвут, а паства камнями забьёт. Там свои законы. Чужаков не любят.

— Поэтому я пришёл к тебе. Ты знаешь эти законы. Ты знаешь, как там ходить, не привлекая внимания.

Мэг усмехнулась, беззвучно, одними уголками рта.

— Старая, полуслепая карга, входящая в логово льва? Забавная картина.

— Ты не просто карга. Ты — Мэг. Ты видишь то, чего не видят другие. И люди тебя боятся. Или уважают. Мне всё равно. Ты можешь пройти там, где я не смогу.

Он смотрел на неё, и в его усталых глазах горела та самая «интеллектуальная потребность докопаться до сути», что была его главным двигателем. Он не просил, не умолял. Он констатировал факт и предлагал себя в качестве инструмента.

Мэг долго молчала, изучая его. Она видела в нём изгнанника, такого же, как она, но не сломленного обстоятельствами, а добровольно избравшего роль соглядатая в аду.

— Ладно, — наконец выдохнула она. — Но не сегодня. Ночью. И по моим правилам. Один неверный шаг — и я тебя брошу. Понял? Мне свой загривок дороже твоей правды.

Кристофер кивнул. Это был единственный возможный договор.

— Придёшь сюда к заходу солнца. И будь готов увидеть такое, от чего у тебя, циника, душа в пятки уйдёт. Там, в тех развалинах, не люди обитают. Там тени. И твоему мстителю, если он там, уже наверное крылья отросли.

Она говорила это без насмешки, с какой-то древней, почти что благоговейной усталостью. Кристофер понял, что их охота только что перешла на новый, куда более опасный уровень. Они шли не на задержание. Они шли в самое сердце мифа, который рождался на их глазах.

Солнце медленно тонуло в ядовитых испарениях над Темзой, окрашивая небо в грязные багрово-жёлтые тона. В сарае Мэг сгущались сумерки, и старуха, казалось, становилась их частью — неподвижной, почти невесомой, пока не шевельнётся с сухим шелестом, словно переворачивая страницу в книге теней.

— Правило первое, — её голос прозвучал в наступающей темноте, заставив Кристофера вздрогнуть. — Там, куда мы идём, нет имён. Ты — тень. Я — тень. Мы не разговариваем. Не смотрим в глаза. Ты идёшь за мной, повторяешь мои движения. Сделаешь лишний шаг — я исчезну, а ты останешься там навсегда. Понял?

Кристофер кивнул. В полумраке он видел лишь бледное пятно её лица.

— Правило второе. Там свои законы. Если кто тронет — не сопротивляйся. Если что упадёт — не поднимай. Там всё ядовито. Даже воздух.

Она поднялась с ящика, и её костлявая рука вдруг протянулась к нему, сжимая что-то тёмное.

— Надень. Поверх плаща.

Это был поношенный, пропахший дымом и потом капюшон из грубой шерсти, такой же, как у тех стражников. Маскировка. Кристофер молча натянул его на голову. Мир сузился до полосы обзора перед глазами.

— И последнее, — она стояла уже у двери, её фигура сливалась с тьмой. — Забудь, кто ты. Забудь, зачем пришёл. Ты теперь просто голодный взгляд. И смотри. Только смотри.

Она выскользнула наружу, и Кристофер последовал за ней, как привязанный на невидимую нить.

Ночной город был иным существом. Дневной шум — плач, крики, скрип повозок — сменился звенящей, напряжённой тишиной, которую нарушал лишь ветер, гуляющий по пустым улицам, да редкий, приглушённый лай собак. Они не шли, а скорее стелились, двумя призраками, скользящими вдоль стен. Мэг двигалась с удивительной для её возраста лёгкостью, её тёмный силуэт то появлялся в полосе лунного света, то растворялся в провалах между домами. Она знала каждый выступ, каждую лужу, каждый обходной путь.

По мере приближения к трущобам тишина стала наполняться иными звуками. Неясный шёпот из-за ставней. Вой пьяницы где-то в подвале. Скрип половицы. Здесь ночь была не временем для сна, а временем для иной, тайной жизни. Кристофер, следуя за Мэг, чувствовал на себе десятки невидимых взглядов. Они шли по незримой тропе, и сама тьма, казалось, впускала их лишь по старому, забытому праву, которое ещё помнила эта старая женщина.

Вскоре впереди, на фоне чуть более светлого неба, вырисовались чёрные, обгорелые очертания колокольни. Церковь Святого Клементя. Она стояла на отшибе, у самой воды, как гигантский обугленный скелет, пронзивший землю рёбрами обвалившихся стропил. От неё тянуло холодом и пеплом.

Мэг замедлила шаг и, не оборачиваясь, сделала едва заметный жест рукой: «Тише». Они подошлись к гигантским дубовым дверям, почерневшим от огня. Одна из них висела на одной петле, приоткрывшись в зияющую черноту, откуда пахло сыростью, горелым деревом и чем-то ещё — сладковатым и тревожным.

Внутри царил почти абсолютный мрак. Лунный свет, пробиваясь сквозь дыры в сводах, выхватывал из тьмы фрагменты кошмара: обугленные балки, свисающие с потолка, как петли; груды кирпича; остовы скамей, похожие на рёбра доисторических животных. И — тишину. Такую густую, что в ушах начинало звенеть.

Мэг бесшумно скользнула внутрь, и Кристофер, затаив дыхание, последовал за ней. Они прижались к стене, позволяя глазам привыкнуть. И тогда он начал различать детали. В глубине нефа, у того места, где когда-то был алтарь, горел огонёк. Не факел, а маленькая, тусклая лампада, отбрасывающая дрожащие тени на полукруг стоящих там фигур.

Их было человек десять. Все в таких же тёмных одеждах с глубокими капюшонами. Стража. Они стояли неподвижно, образуя живое кольцо вокруг чего-то — или кого-то — невидимого в центре. Ни слова, ни шёпота. Только мерцающий свет и безмолвная стража в сердце сгоревшего храма.

И тогда из центра этого круга, из-за спин стражников, донёсся голос. Тихий, ровный, лишённый того проповеднического пафоса, что был днём на площади. Голос, ведущий беседу.

— ...и он понял, что одного праведного гнева мало, — говорил голос Эзекииля. — Нужна точность. Как у хирурга. Чтобы удалить гниль, не повредив здоровую плоть. Иначе ты не лучше чумы.

Кристофер замер, впиваясь взглядом в круг освещённых фигур. Он не видел того, с кем говорит проповедник.

— Но плоть уже больна, Учитель, — ответил другой голос. Тихий, прерывистый, с хрипотцой. — Она вся пропитана ядом. Иногда кажется, что нужно выжечь всё дотла.

Сердце Кристофера пропустило удар. Он узнал эту хрипотцу. Это был не просто сообщник. Это был тот самый голос, что шептал ему на ухо в доме Элдриджа, в лачуге на Гриндлерс-лейн, в аптеке. Голос его «Мстителя». Он был здесь. В двух десятках шагов.

— Огонь — это последнее средство, — возразил Эзекииль, и в его голосе послышалась тонкая, как лезвие бритвы, укоризна. — Сначала скальпель. Ты доказал это. Твоя работа... чиста. Она заставляет их задуматься. Она — молитва, обращённая к спящей совести этого города.

Кристофер видел, как одна из фигур в капюшоне, та, что стояла спиной к ним, слегка поникла, будто под тяжестью этих слов.

— Они не думают, Учитель, — прошептал «Мститель». — Они только боятся.

— Страх — это начало мудрости, — парировал Эзекииль. — Они боятся тебя — значит, ты на правильном пути. Но помни: ты — орудие. Твоя воля должна быть кристальна. Ни сомнений, ни жалости. Только правда. И только суд.

В этот момент Мэг, не шелохнувшись, резко сжала его руку выше локтя. Её костлявые пальцы впились в мышцу с силой, не оставляющей сомнений: «Уходим. Сейчас же».

Она уже пятилась назад, к зияющему проёму двери. Кристофер, с трудом оторвав взгляд от того места, где в полумраке велась беседа палача и его пророка, попятился за ней. Каждый шаг отдавался в его сознании грохотом, хотя их босые ноги (Мэг заставила его снять сапоги у входа) не издавали ни звука.

Они выскользнули наружу, и холодный ночной воздух ударил в лицо, словно вырывая их из кошмара наяву. Они не останавливались, не оглядывались, пока не скрылись в лабиринте тёмных переулков, на безопасном расстоянии от чёрного силуэта церкви.

Только тогда Мэг остановилась, прислонившись к стене, и тяжело задышала.

— Видел? — выдохнула она, и её голос снова стал скрипучим и старым. — Слышал? Это не просто убийца. Это... ученик. А тот... — она мотнула головой в сторону церкви, — не пророк. Он — наставник. Он точит свой самый острый нож.

Кристофер стоял, опираясь ладонями о колени, пытаясь перевести дух. В ушах у него всё ещё звучал тот тихий, лишённый пафоса голос Эзекииля. «Твоя работа... чиста. Она — молитва».

Он нашёл не просто связь. Он нашёл симбиоз. Холодный, расчётливый разум, направляющий слепую, яростную руку. И он понял, что имеет дело не с двумя угрозами, а с единым, чудовищным организмом. И чтобы победить, ему придётся ампутировать сразу обе его части.

Глава 5

Если трущобы были открытой, зияющей раной города, то дом на Фиш-стрит-Хилл, отмеченный свежим алым крестом, был нагноившимся абсцессом. Он стоял чуть в стороне от главных артерий, трёхэтажный, некогда респектабельный, а теперь превратившийся в склеп для тех, кто ещё дышал. Кристофер остановился напротив, его взгляд скользнул по заколоченным окнам первого этажа, по ставням, из-под которых сочился тусклый свет, и по той самой двери, которую он должен был пересечь. Власти, опасаящиеся смуты от рук «Мстителя» больше, чем чумы, передали ему через стражника имя третьей жертвы: чиновник магистрата, некий Бэнтик, известный тем, что за мзду выписывал справки об отсутствии контакта с заражёнными, позволяя богатым купцам бежать из города. Его нашли утром с перерезанным горлом, но тело ещё не убрали — карантин был нерушим.

Кристофер толкнул массивную дубовую дверь, и та со скрипом поддалась, впустив его в преддверие ада. Воздух внутри был густым и спёртым, пахнущим уксусом, дымом тлеющих трав и той сладковатой, молочной тяжестью, что не оставляла сомнений в природе жильцов. В прихожей, освещённой единственной коптилкой, сидел стражник в промасленном плаще, с тряпичей на лице. Он молча протянул Кристоферу факел, его глаза над тканью были пусты и устали.

— Наверху, — сипло произнёс он и отвернулся, словно отрезав всякую связь с тем, что творилось в вышине.

Лестница скрипела под ногами Кристофера, каждый звук в гробовой тишине дома казался кошунственным. Со второго этажа доносились приглушённые стоны, плач ребёнка, прерывающийся кашель. Двери в комнаты были закрыты, но из-под них тянулись щели света и те самые запахи, что делали этот дом обитаемым склепом. Он поднялся на третий этаж, где в конце коридора виднелась приоткрытая дверь. Та самая. Комната Бэнтика.

Он вошёл, и первое, что он увидел, было тело. Чиновник, дородный мужчина в ночном одеянии, лежал ничком на ковре у письменного стола. Тёмное пятно расплзлось вокруг него, впитываясь в дорожную персидскую шерсть. Кристофер приблизил факел. Разрез на горле был знакомым — чистым, точным. Но на этот раз не было ни гирь, ни мензурок. Рот был пуст. Вместо этого, на стене над столом, куда, должно быть, упал взгляд умирающего, углём была нарисована не надпись, а символ. Простые, стилизованные весы правосудия. И больше ничего. Молчаливый приговор. «Мститель» снова эволюционировал. Он перешёл от слов к лаконичной иконографии. Его послание теперь не нуждалось в пояснениях.

Именно в этот момент со скрипом и глухим стуком захлопнулась дверь в конце коридора. Не та, в которую он вошёл, а та, что вела на лестницу. Кристофер замер, прислушиваясь. Чей-то торопливый, нервный топот удалялся вниз, а потом — громкий, решительный щелчок замка. Его сердце упало. Он метнулся к двери, нажал на железную скобу — та не поддалась. Его заперли. Заперли в чумном доме, вместе с трупом и божьей карой.

Он прислонился лбом к прохладной древесине, пытаясь совладать с первой, животной волной паники. Это была не случайность. Его заманили. Или же кто-то из обитателей дома, обезумев от страха, решил запереть возможного разносчика заразы, не разбираясь, кто он. Неважно. Результат был один: он оказался в ловушке.

Он отшатнулся от двери, окидывая комнату взглядом. Окно. Оно было заколочено снаружи массивной доской, прибитой наискосок. Выбить её в одиночку, не подняв шума, было невозможно. А шум мог привлечь внимание тех, кто был за дверьми других комнат этого этажа — тех, кто был болен, отчаян и опасен.

Тишина в коридоре снаружи была зловещей. Плач ребёнка прекратился. Стоны стихли. Было слышно лишь его собственное дыхание и потрескивание факела. И тогда он уловил новый

звук. Тихий, едва различимый скрежет. Скрип половицы прямо за его дверью. Кто-то стоял там. Слушал.

Кристофер медленно, стараясь не производить ни звука, отступил вглубь комнаты, к стене, прижимаясь к ней спиной. Он затушил факел о каменный пол, и комната погрузилась в почти полный мрак, прорезаемый лишь тонкими лезвиями лунного света, пробивавшимися сквозь щели в ставнях. Теперь он был не охотником, а добычей. Запертой в каменном мешке с трупом и невидимой угрозой по ту сторону двери. Он замер, слившись с тенями, его пальцы инстинктивно сжали рукоять ножа за поясом. Охота приняла новый, непредвиденный оборот.

За дверью послышался шёпот. Не один голос, а два. Перекрывающие друг друга, шипящие, полные страха и злобы.

— ...должен быть... от властей... — доносился один обрывок.

— ...принесёт смерть... всех нас заразит... — вторил ему другой, более визгливый.

Потом скрежет замка. Медленный, нерешительный. Кто-то с другой стороны пытался вставить ключ. Сердце Кристофера заколотилось. Он прижался к стене рядом с дверью, готовясь к тому, что она распахнётся. Но вместо этого раздался громкий стук кулака по дереву.

— Выходи! — прокричал хриплый мужской голос. — Выходи, чумная крыса! Мы тебя не пустим!

Кристофер не ответил. Дыхание его замерло. Он понимал язык страха. Эти люди не были сообщниками «Мстителя». Они были его тюремщиками, такими же пленниками этого дома, но добровольно заперевшими себя в своём секторе ада и видящими в любом чужаке угрозу.

— Мы знаем, ты там! — это был уже другой голос, пронзительный, истеричный, вероятно, женский. — Мы тебя слышали! Ты пришёл за нами? Ты принёс нам смерть?

Он продолжал молчать. Любой ответ, любая попытка объяснить, что он здесь, чтобы расследовать убийство, были бы бессмысленны. Их разум был отравлен страхом сильнее, чем тела — чумой. Логика здесь не работала.

Внезапно с грохотом распахнулась не его дверь, а соседняя, в самом конце коридора. Послышались крики, уже не обращённые к нему, а перекинувшиеся между самими обитателями.

— Закрой дверь, дурак! Воздух! Ты воздух заражённый впустил!

— Моя дочь... ей хуже... ей нужен врач!

— Врачей нет! Одна смерть!

Началась свалка. Грохот падающей мебели, вопли, чьи-то приглушённые рыдания. Кристофер воспользовался хаосом. Он отступил от двери и снова подошёл к телу Бэнтлика. Пока страх снаружи был направлен не на него, у него было несколько драгоценных минут. Он опустился на колени, игнорируя липкую кровь на ковре. Он обыскал карманы камзола — пусто. Потом его взгляд упал на правую руку чиновника. Она была сжата в кулак. Кристоферу потребовалось усилие, чтобы разжать оковевшие пальцы.

Внутри не было ничего. Ни клочка бумаги, ни оружия. Но на внутренней стороне указательного пальца, чуть ниже сустава, была странная метка. Не порез, не кровоподтёк. А как будто след от краски или чернил. Кристофер опустился на колени, поднёс факел ближе. Это был маленький, едва заметный отпечаток. Почти стёртый, но узнаваемый. Шестиугольник с тонкими линиями внутри. Та самая метка, что он видел на пыльном полу в лачуге на Гриндлерс-лейн — след башмака убийцы. Но там она была вдавлена в грязь. Здесь — отпечатана на коже. Тавро.

Почему раньше я не видел этого? — промелькнуло в голове. Ответ пришёл сразу: тогда, в доме Элдриджа, он был ошеломлён, смотрел, но не видел. Аптекаря осматривал мельком, торопясь уйти от ликующей толпы. Теперь он знал, что искать. И нашёл.

Внезапно грохот в коридоре стих так же резко, как и начался. Воцарилась звенящая, неестественная тишина. И сквозь неё, сквозь тяжёлую дверь, до Кристофера донёсся новый

звук. Не крик, не шёпот. А тихий, размеренный, совершенно бесстрастный голос. Тот самый, что он слышал в церкви Святого Клементя.

— Страх — оружие тупое, — произнёс Эзекииль, и слова его, казалось, входили прямо в сознание, минуя уши. — Он слеп и беспорядочен. Но в умелых руках... он может расчистить путь.

Кристофер застыл, не в силах пошевелиться. Проповедник был здесь. В чумном доме. Он пришёл к своей пастве.

— Вы боитесь смерти за этой дверью, — продолжал Эзекииль, обращаясь, видимо, к обитателям дома. — Но разве та смерть, что пришла к Бэнтику, не была справедливой? Разве не отменил Господь того, кто торговал жизнями? Вы запираетесь от тени, в то время как свет истинный уже проник в ваш дом и совершил правосудие.

Кристофер слушал, и леденящий ужас сменялся в нём ледяной яростью. Эзекииль не просто знал об убийстве. Он использовал его. Прямо здесь, на месте преступления, он превращал кровавую расправу в божественное таинство, в проповедь для обречённых. Он был не просто наставником убийцы. Он был режиссёром этого спектакля ужаса.

Потом шаги. Не торопливые, не испуганные. Твёрдые, мерные. Они приблизились к его двери и остановились. Кристофер затаил дыхание, сжимая в руке нож.

— Ты внутри, — произнёс Эзекииль уже прямо в щель между дверью и косяком. Его голос был тихим, почти интимным. — Охотник, попавший в капкан. Ирония судьбы, не правда ли? Ты ищешь правду, но боишься тех, ради кого она вершится.

Кристофер молчал, чувствуя, как пот стекает по его вискам.

— Не бойся, — голос проповедника прозвучал почти утешительно. — Ты не умрёшь от чумы. Ты умрёшь от неведения. Потому что ты так и не понял самого главного. Ты ищешь человека. А борешься с идеей. А идеи... неуязвимы для стали.

Раздались шаги, удаляющиеся на этот раз навсегда. Вслед за ними послышался скрежет замка в дальнем конце коридора. Дверь на лестницу открыли. Его тюремщики, усмиренные и просветлённые речами пророка, ушли, оставив его в заточении, но уже не как угрозу, а как ни на что не влияющую деталь.

Кристофер стоял, не в силах пошевелиться. *Неуязвимы для стали.* Он знал это. Знал всегда. Но знать и чувствовать — разные вещи. Теперь чувство вонзилось под рёбра и осталось там.

Он остался один в комнате с мертвецом, помеченным таинственным знаком, и со словами пророка, жужжащими в ушах, как ядовитые осы. Он был жив. Он был свободен выйти. Но он понимал, что потерпел поражение более страшное, чем если бы его убили. Его противник не просто опередил его. Он показал ему всю ничтожность его методов в войне, где оружием были не улики, а человеческие души. И теперь ему предстояло выйти из этого дома не с триумфом, а с горьким осознанием того, что охота только началась, и правила в ней диктовал не он.

Он не двинулся с места сразу. Он стоял, впитывая тишину, ставшую теперь ещё громче после ухода Эзекииля. Слова «ты борешься с идеей» вонзились в него глубже любого ножа. Он подошёл к телу Бэнтика, к этой груди мёртвой плоти, которая стала всего лишь знаком на карте чужой войны. Он снова разглядывал шестиугольник на пальце. Это был не случайный отпечаток. Это было тавро. Как будто «Мститель» не просто убивал, а заносил имя жертвы в некий реестр, помечал её как очищенную от скверны. Эта мысль была отвратительна и прекрасна своей чудовищной логикой. Он имел дело не с маньяком, а с фанатичным архивариусом смерти.

Его взгляд упал на письменный стол. Ящик был выдвинут. Внутри — хаос из бумаг. Кристофер, забыв на мгновение о побеге, принялся за дело. Он был патологоанатомом, а этот стол был внутренними органами жертвы, и в них могла таиться болезнь. Счета, расписки, официальные прошения. И среди этого — маленькая, ничем не примечательная записная книжка

в кожаном переплёте. Кристофер раскрыл её. Страницы были испещрены колонками инициалов и цифр. Рядом с некоторыми стояли галочки. Его взгляд выхватил знакомую фамилию — Элдридж. И рядом с ней — галочку. Далее — имя аптекаря, того самого, с разбитой мензуркой. И снова галочка. Имя Бэнтика было последним в списке, и галочки рядом ещё не стояло. Это был не реестр жертв. Это был список клиентов. Клиентов Бэнтика, покупавших у него лживые справки. И кто-то методично вычёркивал их из этого списка. Не «Мститель». А тот, кто этот список составил. Тот, кто имел к нему доступ. Сообщник? Заказчик?

Он сунул книжку за пазуху. Это была не улика. Это была карта. Карта будущих жертв.

Он наконец вышел в коридор. Он был пуст. За другими дверями царила мёртвая тишина — то ли обитатели вымерли, то ли затихли, запуганные до немоты. Он спустился на второй этаж. Здесь воздух был гуще, запах болезни — острее. Одна из дверей была приоткрыта. Внутри, на кровати, лежала молодая женщина. Она была жива. Её глаза, лихорадочно блестящие, смотрели в потолок. Она не шевелилась, лишь губы её беззвучно шептали какую-то молитву или проклятие. Рядом, на стуле, сидел старик, вероятно, её отец. Он смотрел на Кристофера, и в его взгляде не было ни страха, ни ненависти. Лишь пустота, глубже отчаяния.

— Он ушёл? — прошептал старик.

Кристофер кивнул.

— Он сказал... что это кара за наши грехи. Что мы должны принять её с покорностью. — Голос старика дрогнул. — Но я... я просто хочу, чтобы моя девочка жила. Разве это грех?

Кристофер развернулся и пошёл вниз, к выходу. Слова старика жгли его сильнее, чем любая логическая цепочка. Эзекииль не просто манипулировал страхом. Он манипулировал надеждой, самой последней, самой отчаянной. Он предлагал обречённым не спасение, а смысл их страданий. И в этом аду это было самой ценной валютой.

Он вышел наружу. Ночной воздух, хоть и пропитанный чумным смрадом, показался ему глотком свободы. Он стоял на пороге дома, за спиной у которого остались смерть, отчаяние и горькие открытия. У него в руках был список. У него в голове — голос пророка, превращающего убийство в откровение. И он понимал, что его одинокая война с системой законов и улик бессмысленна. Чтобы победить, ему придётся спуститься на тот уровень, где правда — не то, что доказано, а то, во что верят. Где его главным оружием должен стать не нож и не логика, а чужая вера. И первый шаг на этом пути лежал к Мэг. Только она, жрица этого нового, уродливого культа, могла теперь стать его проводником в самое сердце тьмы, которую он поклялся уничтожить.

Глава 6

Воздух за пределами дома Бэнтлика был не свежее, он был иным — не запертым в каменной гробнице с густым, сладковатым запахом недавней смерти и старых страхов, а текучим, несущим на себе, как пар от испарений Темзы, мириады городских ядов. Кристофер шёл, не разбирая дороги, его тело помнило каждый поворот, каждый ухаб, ведомое инстинктом затравленного зверя, стремящегося к логову. Он не думал о направлении; он ощущал его кожей, впитывая город всеми порами, как губка, пропитанная чумным потом. Его пальцы в кармане сжимали кожаную книжку, и она жгла ему плоть, как раскалённый уголёк, вложенный в руку еретику. Список. Он был тяжелее любого оружия. Это была не просто записная книжка коррумпированного чиновника. Это была карта бойни, божественное расписание казней, утверждённое неведомым, безжалостным судьёй. И он, Кристофер Рэдклифф, бывший страж закона, а ныне — его бродячий призрак, держал эту карту в руках. Он был не охотником, догоняющим добычу по горячим следам. Он стал зрителем на дороге, по которой мчалась колесница смерти, и он один, казалось, знал, куда она грохочущими колёсами повернёт следующей, чтобы раздавить ещё одну жизнь, обратив её в кровавую точку на пергаменте.

Он не пошёл к Мэг напрямую, по широким, относительно пустынным улицам. Вместо этого он нырнул в лабиринт узких, как щели между зубами, переулков, где тени сгущались уже в сумерках, а из подвалов доносилось бормотание и хриплый кашель. Он двигался от одного тёмного провала к другому, прижимаясь к шершавым, влажным от сырости стенам, его слух был напряжён до боли, вылавливая любой звук, который мог бы выдать погоню — не человеческую, а ту, что мог наслать Эзекииль своими всевидящими, пророческими очами. Он остановился в нише под низкой аркой, где пахло мочой, мокрой штукатуркой и ещё чем-то кислым, протухшим. Здесь, в этом каменном чреве, он снова вытащил книжку. При тусклом, умирающем свете, что пробивался с улицы, он изучал её, как алхимик, вглядывающийся в тайные знаки гримуара, пытаясь вызвать демона или обрести философский камень. Инициалы, цифры, зловещие галочки, ставившие крест на человеческих судьбах. Он искал закономерность. И нашёл. Столбец с цифрами, который он прежде принял за суммы взяток, был датами выдачи справок. «Мститель» следовал хронологии. Следующее имя в списке — негодянт Годфри, получивший справку позже всех. Это была не ярость, не слепая месть. Это был холодный, бездушный, методичный учёт. Система, возведённая в абсолют зла, бюрократия ада.

Он сунул книжку обратно, ощущая её вес, как гирю на своей совести, и, наконец, направился к сараю Мэг. На этот раз он не просто шёл по улицам — он читал их, как страницы дневника умирающего, где каждая клякса, каждое пятно имело свой скрытый смысл. Вот лавка зеленщика, наглухо заколоченная, но у самой двери — опрокинутый глиняный горшок с увядшим, почерневшим базиликом, тщетная, трогательная и оттого ещё более жуткая попытка отогнать заразу ароматом жизни. Вот узкий переулок, где ветер, словно невидимый палач, гонял по булыжникам обрывок какой-то исступлённой молитвы, испещрённой истерическими каракулями и залитой следами, похожими на кровь или вино. А вот и она — повозка мертвецов, застывшая у очередного дома с алым крестом, и двое оборванцев в промасленных тряпках на лицах, с трудом ворочающие длинный, бесформенный свёрток в грубом саване, который оставлял на серых камнях влажный, тёмный, медленно расплзающийся след. Воздух гудел от этого звона — не колокольного, призывающего к молитве, а того, низкого и настойчивого, что издают крылья тысяч мух, слетающихся на свой ежедневный пир. Лондон был огромным, разлагающимся организмом, и «Мститель» с Эзекиилем были лишь самыми яркими, самыми страшными паразитами, заведшимися в его воспалённых, гниющих кишках. И Кристофер шёл по этим кишкам, чувствуя, как адская бухгалтерия у него в кармане отбивает такт шагам.

Мэг, как он и ожидал, сидела на своём ящике, вросшая в этот полумрак, будто её сморщенное тело было всего лишь ещё одним выступом на гнилых досках. Но на этот раз перед ней на полу стояла глиняная кружка с чем-то дымящимся, и запах был резким, горьким, травяным — полынь, пижма, ещё что-то, — на миг перебивающим привычную, вьедливую вонь джина, пота и смерти.

— Чай, — проскрипела она, не глядя на него, уставившись в темноту, словно видя там нечто, недоступное его глазу. — От дурного глаза да от злых духов. А то от тебя, милоч, последнее время так и прёт бедой, будто ты сам ходящий мор. Не иначе как на тебе печать.

Кристофер молча, с почти ритуальной медлительностью, достал книжку и положил её на ящик рядом с дымящейся кружкой. Парок коснулся кожицы переплёта.

— Список, — сказал он коротко, и это одно слово повисло в воздухе тяжелее любого многословия. — Клиентов Бэнтлика. Тот, кто его вёл, теперь их вычёркивает. Методично. Как бухгалтер на страшном суде.

Мэг медленно, будто кость за костью, с неохотным скрипом старого механизма, повернула к нему голову. Её глаза, мутные и впалые, сузились до щёлочек, в которых затеплился цепкий, холодный огонёк.

— Бухгалтер смерти? — в её голосе послышалось нечто, похожее на леденящее душу уважение. — Это похуже будет твоего мстителя с гирями. Тот хоть с душой, с гневом, с плотью и кровью. А это... — она щёлкнула сухими, как пруттики, пальцами, и звук был похож на треск ломаемой кости, — чистое счетоводство. Без гнева и пристрастия, как говорится. Самая страшная нечисть.

— Он следует хронологии, — Кристофер ткнул пальцем в злополучный столбец дат, ощущая, как бумага шершавит под подушечкой. — Следующий в очереди — негоциант Годфри. Получил справку три дня назад.

— Годфри? — Мэг фыркнула, и пар от её чая заколебался, поплыл призрачными кольцами к почерневшему потолку. — Этот и впрямь сволочь редкая. Строительные подряды на карантинные заставы берёт. Доски гнилые поставляет, палатки с дырами, соду вместо извести в раствор кладёт. Наживается на том самом месте, где люди, как мухи, мрут. Так что твой счетовод, выходит, и правду считает. Грехи, что ли, складывает.

— Он не мой, — холодно, отрезая, парировал Кристофер. — И считает он не правду. Он ведёт счёт в чьей-то войне. В войне, о которой мы ничего не знаем. И Эзекииль знает об этом. Он был в доме Бэнтлика. Проповедовал среди умирающих, используя ещё не остывший труп как икону для своей новой веры.

На лице Мэг, этом высохшем пергаменте, на котором жизнь писала свои самые мрачные главы, впервые за всё время он увидел не привычный цинизм, а нечто похожее на настоящий, глубокий страх. Не животный, сиюминутный ужас, а холодный, проникающий до костей страх старого, опытного волка, почуявшего в своём лесу другого, более молодого, голодного и куда более беспощадного хищника, играющего по неведомым ему правилам.

— В доме? — переспросила она, и в её скрипучем голосе дрогнула какая-то струна. — Среди чумных? Среди тех, кто уже одной ногой в гробу? Значит, он не боится. Совсем. Или считает себя выше смерти. Избранным. И то, и другое, милоч, хуже не придумаешь. Гораздо хуже.

— Он сказал, что я борюсь с идеей. Что сталь против неё бессильна.

— А он прав, — Мэг отхлебнула своего горького зелья, и её лицо скривилось не от вкуса, а от горечи истины. — Ты можешь поймать этого... счетовода. Вынуть ему кишки и повесить их на фонарь для устрашения. Можешь перерезать глотку самому пророку. Но идея-то останется. Она уже здесь. — Она ткнула корявым пальцем себе в висок, а потом махнула рукой, широким жестом, в сторону невидимого за стенами города. — И там. В головах. В сердцах. Она, как чумная палочка, теперь в крови у этого города. И пока есть грязь, на которой она

плодится — голод, страх, несправедливость, — ты ничего, слышишь, ничего не сделаешь. Ты будешь как мальчик, пытающийся вычерпать Темзу напёрстком.

— Значит, нужно отрубить голову гидре, — тихо, но с железной решимостью в голосе сказал Кристофер. — Эзекииля. Без своего пророка, без своего голоса, идея ослепнет, потеряет направление. Выродится в набор разрозненных, кровавых ритуалов. Без него это будет просто убийца, а не мессия.

Мэг долго смотрела на него, и в глубине её старческих глаз шла тяжёлая, невидимая работа, взвешивание рисков и возможностей на невидимых весах.

— Голову... — протянула она наконец, растягивая слово. — Голову отрубить можно. Но для этого нужно подойти к змее вплотную. А его тени, те двое, что в капюшонах, тебя не подпустят. Они чувствуют таких, как ты, за версту. — Она помолчала, давая ему впитать эту мысль. — Если бы ты был... не ты. Если бы ты был одним из них. Опустившимся, голодным, злым до черноты в глазах, готовым ухватиться за любую, даже самую дьявольскую соломинку. Если бы в тебе горела не холодная любовь к правде, а горячая ненависть ко лжи. Тогда, может, ты бы и подошёл. Тогда, может, они бы тебя и пропустили.

Кристофер понял. Она предлагала ему не тактический ход. Она предлагала ему духовное самоубийство, перерождение в нечто чужое и отвратительное. Стать подсадной уткой, притвориться новообращённым, жаждущим не справедливости, а мести, чтобы проникнуть в самое сердце этого зарождающегося культа и взорвать его изнутри.

— Они проверяют, — словно прочитав его самые тёмные мысли, сказала Мэг. — Не словами. Не клятвами. Делами. Чтобы приблизиться к пророку, чтобы заслужить его взгляд, нужно принести жертву. Доказать свою преданность не на словах, а на крови.

— Какую жертву? — спросил Кристофер, уже с ужасом догадываясь об ответе, чувствуя, как по спине ползёт ледяная мурашка.

Мэг усмехнулась, и в её беззубой, тёмной ухмылке было что-то древнее, страшнее и мудрее всего, что он видел за эту долгую, чумную осень. Это была усмешка языческой жрицы, приносящей младенца в жертву каменному идолу.

— Ты же держишь в кармане самое что ни на есть расписание. Выбери имя. Не того Годфри, за которым уже, быть может, охотятся. Выбери другое. Из самого начала списка. И приведи его пророку. На верёвке, как ягнёнка, или в мешке, как тушу, — это уж как договоришься. Только тогда его тени, может, и пропустят тебя к нему. Только тогда он, может, и удостоит тебя беседы. Жертва, милочка. Искупительная жертва.

Кристофер смотрел на неё, и внутри у него всё замирало, цепенело, словно кровь превращалась в лёд. Она предлагала ему сознательно, хладнокровно стать палачом. Всего на одного человека. Всего на одного коррумпированного чиновника, алчного торговца или бездушного ростовщика. Совершить то самое преступление, с которым он боролся. Стать винтиком в машине, которую он поклялся сломать. Ради высшей цели. Ради того, чтобы подобраться ближе к источнику зла. Это была дьявольская, извращённая логика, и она была безупречна в своём аду.

— Я не могу, — тихо, но очень чётко сказал он. Это был не отказ, не проявление слабости. Это была констатация фундаментального факта, краеугольного камня его личности. Он был сломлен системой, выброшен на обочину, но не настолько, чтобы добровольно забраться в её топку и стать её горючим.

— Тогда ты проиграл, — без всякого сожаления, с холодной, почти что медицинской констатацией произнесла Мэг. — Иди домой, милочка. Запрись в своей конуре. Пей своё кислое вино и жди, когда чума, или твой мститель, или просто голодная смерть постучится в твою дверь. Твоя правда, твои принципы — они никому не нужны. Ни мёртвым, ни живым. Мёртвым всё равно, а живым — страшно. Им нужна не правда, им нужна победа. Любой ценой.

Она была права. Он с ужасом понимал, что она, в своей циничной, беспощадной мудрости, абсолютно права. Он стоял на распутье, где все дороги, все без исключения, вели в ад, и ему предстояло выбрать лишь оттенок, интенсивность и форму своего собственного падения. Взять в руки нож и стать убийцей, пусть и на время, пусть и ради будущего правосудия, пусть и принеся в жертву одну испорченную душу, чтобы спасти, возможно, десятки? Или сохранить в неприкосновенности свои принципы, остаться чистым перед своим внутренним судом и со стороны, в гордом одиночестве, наблюдать, как город, который он когда-то пытался защитить с помощью закона и логики, погружается в хаос, освящённый новым, жестоким и столь соблазнительным для отчаявшихся богом?

Он повернулся, не дав ей ответа, не в силах произнести ни слова, и вышел из сарая. Дверь захлопнулась за ним с тем же скрипом, но на этот раз этот звук был похож на захлопывающуюся крышку гроба — гроба его прежних убеждений. Воздух снаружи снова ударил ему в лицо, но не было в нём ни облегчения, ни глотка свободы. Он был тяжёлым, густым, как расплавленный свинец, и нёс на себе невыносимую тяжесть выбора, который ему предстояло сделать. И он знал, знал каждой клеткой своего усталого тела, что времени на раздумья, на сомнения, на поиск третьего, несуществующего пути, у него не было. Потому что где-то в этом охваченном лихорадкой городе его «счетовод смерти» уже вёл свою безжалостную бухгалтерию, без эмоций готовясь вычеркнуть из книги жизни следующее имя. А голос Эзекииля, тем временем, звенел в его ушах всё громче, настойчивее, соблазнительнее, предлагая простой, ясный и безжалостный ответ на все сложные, мучительные вопросы, на которые у Кристофера не находилось ответа: «Убей неверного. Соверши правосудие своими руками. И тогда, лишь тогда, ты обретёшь истину и место у моего огня».

Слова Мэг жгли его изнутри, как раскалённые угли, но именно они вытолкнули его из оцепенения. Он не найдёт ответа, но обрёл ярость — чистую, животную, направленную на того, чьё существование ставило перед ним неразрешимые вопросы. Ему нужен был не философский диспут, а схватка. Ему нужно было дотронуться до призрака, вонзить в него сталь, чтобы убедиться, что он из плоти и крови. Он вышел из трущоб, и город встретил его не тишиной, а нарастающим гулом. Где-то впереди, на границе с более благополучными кварталами, слышались крики, не похожие на стонущие молитвы или предсмертные хрипы. Это был гнев. Яростный, направленный. Кристофер ускорил шаг, его инстинкт, отточенный годами погонь, вёл его на звук. Он свернул на широкую улицу и увидел толпу, столпившуюся у ворот богатого особняка. Люди не были нищими — это были ремесленники, лавочники, их жёны, их лица, обычно покорные, теперь были искажены ненавистью.

— Довели нас! — кричал мужчина в кожаном фартуке кузнеца. — Хлеба нет, цены задрали, а он тут за стенами отсиживается!

— Выкурим его! — вторила ему женщина, размахивая граблями. — Пусть чума его заберёт!

И тогда Кристофер увидел его. На краю толпы, чуть в стороне, стояла высокая, прямая фигура в длинном плаще и маске чумного доктора с клювом. Он не двигался, не жестикулировал. Он просто стоял и смотрел на особняк, и в его позе была не просто наблюдательность, а нечто иное — холодная, сосредоточенная оценка палача, выбирающего момент для удара. Сердце Кристофера ёкнуло. Он узнал этот плащ. Узнал эту маску с клювом. Тот самый чумной доктор, что стоял у лачуги на набережной, когда Кристофер шёл к Мэг в первый раз. Тогда он показался ему бездушным придатком эпидемии. Теперь он знал: это был «Мститель». Или, по крайней мере, его предвестник. В этот момент из-за ворот особняка выскочили двое слуг с дубинками. Толпа, рыча, ринулась на них. Началась потасовка. В возникшей суматохе фигура

в маске резко развернулась и быстрым, уверенным шагом двинулась в противоположную сторону, в узкий, тёмный переулок.

Не думая, Кристофер рванулся за ним. Он забыл про толпу, про особняк, про весь город. Перед ним была единственная цель — эта ускользающая тень в маске птицы. Переулок был коротким и выводил к заросшему бурьяном пустырю, за которым виднелись склады у реки. Чумной доктор шёл, не оглядываясь, его плащ развевался за ним, как чёрное знамя. Он не бежал — он шёл с невероятной скоростью, его движения были экономичными и точными, словно он знал каждый камень под ногами. Кристофер прибавил ходу. Расстояние между ними медленно сокращалось. Он уже видел потрескавшуюся кожу на перчатках, запачканный глиной подол плаща.

— Стой! — крикнул он, но ветер унёс его слова.

Фигура в маске будто не слышала. Она достигла первого склада и скользнула в полуразрушенный дверной проём.

Кристофер влетел внутрь, едва не споткнувшись о груды сгнивших мешков. Внутри царил полумрак, пахло пылью, старой соломой и речной водой. В центре огромного помещения, под дырявой крышей, через которую лились столбы тусклого света, стоял он. Чумной доктор. Он повернулся к Кристоферу, и сквозь стёкла очков на него уставились два бездонных, тёмных пятна. Ни слова не было сказано. Они стояли друг напротив друга, два охотника в заброшенном сердце умирающего города. Первым двинулся Кристофер. Он не выхватил нож — ему нужен был он живым. Он сделал выпад, пытаясь схватить его за руку. Но «Мститель» был быстр, как змея. Он отпрыгнул назад, и в его руке блеснуло лезвие — не нож, а длинный, тонкий хирургический скальпель. Он атаковал не яростно, а с той же методичной точностью, с какой наносил свои удары. Скальпель просвистел в воздухе, целясь не в горло, а в кисть Кристофера, пытаясь выбить у него оружие. Кристофер едва успел отдёргнуть руку. Он видел эти движения — выверенные, экономные, лишённые лишней агрессии. Это была не драка. Это было... вскрытие. Хирург, обезвреживающий помеху. Они кружили друг вокруг друга в облаках пыли, поднимаемой их ногами. Кристофер, привыкший к уличным потасовкам, чувствовал себя неуклюжим медведем против изящной, смертоносной ласки. Но «Мститель» был не в своей стихии — не на месте преступления, где он диктовал свои правила, а в грязном складе, где каждый шаг увязал в пыли и гнилой соломе. Возможно, он был ранен. Возможно, устал после убийства Бэнтлика. А возможно, просто не привык, чтобы его преследовали. Он снова ринулся вперёд, на этот раз пытаясь повалить противника на землю. Ему удалось схватить его за плащ, но «Мститель» извернулся с нечеловеческой гибкостью, и скальпель снова блеснул, разрезая воздух у самого лица Кристофера. Острая боль обожгла ему щёку. Он почувствовал, как по коже стекает тёплая кровь. Этот миг боли и ярости придал ему сил. Он прорвался сквозь защиту и нанёс короткий, мощный удар кулаком в грудь противника. Тот захрипел, отступил на шаг, но не упал. Однако его хватка ослабла. Кристофер воспользовался моментом и выбил скальпель из его руки. Сталь звякнула о каменный пол.

Они снова замерли, тяжело дыша. Кристофер видел, как под маской вздымается и опускается грудь его противника. Он был ранен. Или просто устал.

— Кто ты? — прохрипел Кристофер, прижимая руку к порезанной щеке.

В ответ — молчание. Затем «Мститель» сделал нечто неожиданное. Он не стал атаковать снова. Он резко отступил вглубь склада, к груде ящиков, и прежде чем Кристофер успел среагировать, схватил что-то с пола и швырнул ему под ноги. Это была пригоршня известковой пыли. Белое облако взметнулось в воздух, ослепляя и заставляя Кристофера закашляться. Когда пыль осела, его противника уже не было. Лишь распахнутая настежь задняя дверь склада и свежий след сапога на пыльном полу, ведущий к реке.

Кристофер не стал преследовать. Он стоял, переводя дух, чувствуя жгучую боль на лице и холодную ярость в сердце. Он не поймал его. Но он ранил. Он видел его вблизи. Он почув-

ствовал его силу, его стиль. Это не был изувер. Это был мастер. Хирург. И теперь Кристофер знал это не по догадкам, а по собственному порезанному лицу. Он подошёл к тому месту, где упал скальпель, и поднял его. Лезвие было тонким, идеально отточенным, с костяной рукоятью. На рукояти, почти стёртая от времени, была вырезана та самая метка. Шестиугольник с тонкими линиями внутри. Он сунул трофейный скальпель за пояс. Это был его трофей. Первое, пусть и маленькое, доказательство того, что призрака можно ранить. Что с ним можно бороться. И эта мысль была горче, чем боль от пореза, потому что она означала, что охота, настоящая, смертельно опасная охота, только началась.

Кристофер не вошёл в сарай — он ввалился, принося с собой запах речного ила и запёкшейся крови. Он не стал ждать вопросов. Прежде чем заговорить, он вытащил из-за пояса трофейный скальпель и, удерживая его за самый край рукояти, пронёс над пламенем коптилки, пока сталь не потемнела от копоти. Только после этого он выложил его на ящик, рядом с её неизменной кружкой. Сталь звякнула о дерево — сухо, окончательно.

Мэг не вздрогнула. Она медленно перевела взгляд с лица Кристофера, на котором багровела свежая отметина, на инструмент. Её костлявая рука, похожая на лапу старой птицы, потянулась к рукояти. Она не взяла его, а лишь коснулась кончиками пальцев костяной пластины.

— Ты принёс мне не просто железку, милоч, — проскрипела она, и в её голосе Кристофер уловил нечто, похожее на леденящее душу уважение. — Ты принёс мне почерк.

— Ты знаешь, чей он? — Кристофер тяжело опустился на пол, чувствуя, как адреналин сменяется свинцовой усталостью.

— Такой кости в Лондоне не сыщешь уже лет десять, — Мэг поднесла скальпель ближе к свету коптилки. — Это китовый ус, особым образом вываренный. Такими работали старые мастера из Компании Цирюльников, что ещё при первом Карле учились. Видишь резьбу? Шестиугольник... — Она хрипло рассмеялась. — Это не просто знак. Это клеймо анатомического театра. Его закрыли, но инструменты... инструменты остались у тех, кто умеет ими пользоваться.

Она взглянула на него, и её мутные глаза блеснули торжеством.

— Твой «Мститель» не просто хирург. Он — изгой из тех, кто считал человеческое тело божьим чертежом. И если он начал вырезать на живых то, что раньше изучал на мёртвых... значит, он ищет не правду. Он ищет совершенство. И ты теперь, милоч, тоже в его списке. Только не как жертва, а как помеха, которую нужно... исправить.

Глава 7

След скальпеля на его щеке затянулся тонкой розовой полоской, но внутри Кристофера горело. Он снова и снова перебирал в памяти миг схватки в полумраке склада — экономные движения, холодный блеск стали, безмолвное противостояние. Это не был разъярённый фанатик; это был расчётливый ремесленник, и эта мысль пугала куда сильнее. Его трофей, тот самый скальпель с шестиугольником, лежал на столе, покрытый слоем сизой копоти, безмолвный и весомый, как обвинение. Он был доказательством, что «Мститель» — не призрак, но что это меняло? Призрака нельзя поймать, а ремесленника — можно, но теперь Кристофер сомневался, станет ли это победой.

Город, казалось, выбрал свою сторону. Слух о карателе, вершащем правосудие там, где закон оказался слеп и продажен, просочился в таверны, на рынки, в дома, чьи обитатели давно уже потеряли веру во всё, кроме чумы и голода. Идея, против которой, как предупреждала Мэг, была бессильна сталь, пускала корни на самой благодатной почве — в отчаянии. Кристофер видел это своими глазами. На стене одного из сгоревших домов, выстроившись в неровную линию, висели три обугленных трупа — мелкий воришка и двое его подручных, пойманных на краже продовольствия с карантинного склада. Их не повесили по приговору суда; их схватили и сожгли заживо соседи, одержимые новым, яростным правосудием. На обгоревшей каменной кладке ниже чьей-то рукой была намалевана неумелая, но узнаваемая метка — кривой шестиугольник. Подражатели. «Мститель» больше не был одиночкой. Он стал символом. Иконой, вокруг которой кристаллизовалась вся накипевшая за годы ярость черни.

Именно тогда за ним пришли. Двое в добротных, хоть и поношенных, плащах, с лицами, не истощенными голодом, а закалёнными в канцелярских битвах. Они нашли его в его конуре, и их визит был куда страшнее любого нападения в тёмном переулке.

— Сэр Роберт велел передать, что восхищён вашим... рвением, — начал первый, его голос был ровным и бесцветным, как вода. — Однако же, полагает, что нынешняя ситуация требует не столько рвения, сколько благоразумия.

— Город и без того на краю, — подхватил второй, осматривая убогое жилище Кристофера с лёгкой брезгливостью. — А вы, своими поисками этого маньяка, лишь раскачиваете лодку. Вы сеете смуту, мистер Рэдклифф. Ваше имя уже у всех на устах. Вы даёте толпе повод и оправдание для самосуда.

Кристофер молчал, глядя на них, чувствуя, как каменеет что-то внутри. Сэр Роберт. Один из немногих уцелевших патрициев, цепляющихся за призрачную власть в охваченном хаосом городе. Его интерес был знаком того, что игра вышла на новый уровень.

— Этот «маньяк», как вы изволили выразиться, выкашивает коррумпированных чиновников, на которых вы сами, быть может, закрывали глаза, — холодно парировал Кристофер. — Разве это не облегчает вашу работу?

Первый чиновник усмехнулся, тонко и неприятно.

— Вы наивны. Одного продажного клерка можно заменить другим. А вот идея, что правосудие можно вершить вот этим, — он сделал короткий, рубящий жест ребром ладони, — заменить ничем. Она, как чума, заразна. И куда опаснее любой коррупции. Мы предпочитаем иметь дело с ворами, а не с фанатиками. Вора можно купить или запугать. Фанатика — только убить. И пока вы его ищете, вы лишь подпитываете этот фанатизм, делая из него легенду.

Они ушли, оставив в душном воздухе комнаты невысказанную, но отчётливую угрозу. Его предупредили. Свернуть дело. Оставить «Мстителя» в покое, потому что его поимка, его разоблачение могут стать искрой, которая подожжёт пороховую бочку города. Кристофер подошёл к окну, глядя на серые крыши, на дымок костра, вокруг которого копошились тёмные фигуры. Он представил себе, что будет, если он найдёт его. Если он вытащит этого «хирурга»,

этого «счетовода смерти» на свет, обнародует его имя. Для властей это будет триумфом. А для толпы? Для этих людей, видевших в нём защитника? Это станет знаком. Знаком того, что последняя надежда на справедливость, пусть и уродливую, жёсткую, но справедливость, растоптана теми самими, кто довёл город до такого состояния. Это не погасит бунт. Это его взорвёт.

Раньше он видел перед собой лишь моральную дилемму: бороться с преступником, который карает преступников. Теперь к этому добавилась дилемма политическая. Правосудие, которого он так жаждал, оказалось мечом, занесённым над головами тысяч. Раскрыть личность «Мстителя» значило совершить акт правосудия в рамках закона, но при этом бросить город в пучину хаоса, на руку таким, как Эзекииль, которые ждут любого повода, чтобы разжечь пламя настоящей резни. Оставить его на свободе — значило признать, что закон мёртв, и отныне прав сильнейший, пусть даже его сила опирается на скальпель и список обречённых.

Он взял со стола скальпель. Лезвие холодно блеснуло в тусклом свете. Это было орудие. Орудие убийства, но и орудие вскрытия. Оно вскрывало не только тела, но и гнойники общества. И теперь Кристоферу предстояло решить, что страшнее — сам гнойник или методы того, кто взялся его выжигать. Он стоял на распутье, где любая дорога вела к крови. Одна — кровь казней, совершаемых в темноте таинственным хирургом. Другая — кровь бунта, светлая алая река, что могла затопить улицы, если он сделает свой ход. И тишина его комнаты гудела от этого выбора, такого же тяжёлого и холодного, как сталь в его руке.

Он так и не успел принять решение. Город принял его за него. На следующее утро, едва он выскользнул из своей конуры, чтобы купить чёрствой булки, он наткнулся на зрелище, от которого кровь застыла в жилах. На площади, где когда-то стоял позорный столб, теперь толпилась возбуждённая, галдящая толпа. В центре, на импровизированной трибуне из ящиков, стоял не Эзекииль, а какой-то тщедушный паренёк с лихорадочным блеском в глазах. И он говорил. Говорил теми же словами, что и пророк, но без его гипнотической мощи, с яростным, истеричным надрывом.

— Он видит! — выкрикивал парень, и слюна брызгала с его губ. — Тот, в маске, видит грехи ихние, как на ладони! Он не ждёт, когда гнилые суды их оправдают! Он карает! Он — меч в руках Господа!

— Правду говорит! — несло из толпы. — Довольно они с нас драли! Довольно с нас их законов, что только богатых да сильных защищают!

— И что? — вдруг вклинился в гул другой голос, хриплый и злой. — Ждать, пока этот самый меч до нашего ростовщика дойдёт? А он, гад, проценты за прошлую неделю требует, чуму в доме припрятав! Может, и нам пора за дело взяться?

Кристофер замер, ощущая, как почва уходит из-под ног. Это было уже не просто сочувствие. Это была готовность к действию. Идея, которую Эзекииль облакал в одежды пророчества, а «Мститель» — в хирургическую точность, здесь, на площади, вырождалась в примитивный, слепой и потому вдвойне страшный призыв к резне. Он увидел в толпе знакомое лицо — одного из мелких клерков магистрата, человека, всегда отличавшегося робостью. Теперь же на его лице была странная, одурманенная решимость. Кристофер отступил в тень арки, чувствуя, как его собственное дыхание становится прерывистым. Предупреждение чиновников не было пустой угрозой. Лодку уже не просто раскачивало — её начинало захлестывать волной.

Именно там, в тени, его и нашёл Тобиас. Мальчишка-ворюга, служивший ему когда-то глазами и ушами, вынырнул из-за поворота, запыхавшийся, с широкими от возбуждения зрачками.

— Шериф! — выдохнул он, хватая Кристофера за рукав. — Я видел его! Того, в плаще!

Кристофер схватил его за плечо, резко прижав к стене.

— Где? Говори!

— На набережной! У старых угольных складов! — Тобиас задышался. — Он был не один... С ним были двое. Те самые, в капюшонах. Они кого-то вели... Богато одетого, плачет, умоляет... А он... он просто шёл и держал в руках тот свой ножик. Прямо на виду!

Сердце Кристофера ушло в пятки. «Следующий в очереди». «Мститель» не просто скрывался. Он продолжал свою работу, и теперь делал это почти что публично, обретая себе в лице теней Эзекииля и разъярённой толпы и охрану, и трибуну. Это был вызов. Не только ему, Кристоферу, но и всему укладу, который ещё пытался сохранить видимость.

Он сунул Тобиасу монету и бросился бежать. Мысли проносились вихрем. Он мог привести стражу. Горстка солдат, ещё сохранявших верность магистрату, могла бы окружить склады. Задержать всех. Но что тогда? Арест «Мстителя» на глазах у его новых последователей? Это станет искрой. Он видел это с пугающей ясностью: попытка ареста, крики, первая кровь, и тогда толпа, уже готовая к мятежу, ринется на солдат, превратив акт правосудия в кровавую баню.

Он бежал, не видя пути, и ноги сами понесли его к набережной. Он был там первым. Никакой стражи, только он, ветер с Темзы, пахнувший гнилью и угольной пылью, и гробовая тишина вокруг старых складов. Дверь в одно из зданий была приоткрыта. Изнутри доносился приглушённый, монотонный голос. Он был спокоен и размерен, без тени гнева или торжества. Кристофер замер на пороге, затаив дыхание.

Внутри, в столбе света, падающего с провалившейся крыши, стоял «Мститель». Его маска-клюв была повернута к прижавшемуся к стене дородному мужчине в расшитом камзоле, который теперь был испачкан грязью и страхом. Двое в капюшонах стояли поодаль, недвижимые, как статуи.

— ...и потому, — говорил «Мститель» тем же тоном, каким зачитывают судебный протокол, — твоя справка оказалась недействительной. Ты купил себе жизнь, пока другие умирали. Счёт оплачен.

Он поднял скальпель. Мужчина издал животный вопль.

Кристофер выхватил пистолет.

— Остановись! — его голос грохнул под сводами, как выстрел.

«Мститель» замер. Его маска медленно повернулась к Кристоферу. Двое в капюшонах разом шагнули вперёд, закрывая его собой. Но «Мститель» поднял руку, останавливая их. Казалось, он не просто смотрел на Кристофера, а изучал его, оценивал новую переменную в своём уравнении.

— Правосудие уже свершилось, — раздался его голос из-под маски, глухой и безличный. — Ты опоздал.

— Это не правосудие! — крикнул Кристофер, целясь ему в грудь. Его палец лежал на спуске. Один миг. Одна пуля. И всё закончится. Но он видел застывшие фигуры в капюшонах, он слышал отдалённый гул толпы с площади, и он понимал, что это не конец. Это будет только начало.

— Тогда что же? — спросил «Мститель», и в его голосе впервые послышалась тонкая, ледяная нитка чего-то, похожего на любопытство. — То, что творят они? — Он едва заметным жестом указал в сторону города. — Беспомощное ожидание в карантине? Молитвы трусам в судейских париках? Или, может быть, то, что несёт с собой пророк? Огонь, очищающий всё дотла? Я лишь исправляю ошибки системы. Я — последняя инстанция.

В его словах не было ни злобы, ни фанатизма. Лишь холодная, невыносимая уверенность. И в этот миг Кристофер с абсолютной, обессиливающей ясностью осознал всю глубину ловушки. Он не мог выстрелить. Не потому, что жалел этого палача или его жертву, а потому, что пуля, убивающая «Мстителя», убивала и последний предохранитель, сдерживающий город

от взрыва. Он стоял, держа на мушке не человека, а идею. И против идеи, как он уже знал, сталь была бессильна.

Он медленно опустил пистолет.

«Мститель» с минуту смотрел на него, затем так же медленно и методично повернулся к своей жертве. Больше не было слов. Только короткий, точный взмах руки и тихий, обрывающийся стон. Когда он закончил, он кивнул двоим в капюшонах, и те, не глядя на Кристофера, скрылись в темноте склада. «Мститель» прошёл мимо него к выходу, остановившись на мгновение в дверном проёме.

— Ты сделал правильный выбор, — сказал он, и его голос прозвучал почти как совет коллеги. — Иногда бездействие — высшая форма правосудия. Для большего блага.

Он вышел, оставив Кристофера одного в полумраке с быстро холодеющим телом. Слова «Мстителя» вонзались в него глубже, чем мог бы любой нож. Правильный выбор. Высшая форма правосудия. Он не был в этом уверен. Он не был уверен ни в чём, кроме одного: он только что стал соучастником убийства, и никакая высшая цель не могла этого отменить.

Кристофер стоял, глядя на дверной проём, в котором только что была тень. Он позволил убить человека у себя на глазах. Во имя чего? Во имя призрачного спокойствия? Во имя того, чтобы не дать городу сгореть? Но город уже горел. И он, Кристофер Рэдклифф, бывший страж закона, только что доказал себе и «Мстителю», что новый, жестокий порядок уже наступил. И он его молчаливо признал. Право выбора между правосудием и мщением оказалось иллюзией. Остался лишь выбор между разными оттенками крови.

Глава 8

Он не помнил, как брёл обратно, его ноги сами несли его по знакомым, одичавшим улицам, а в ушах стоял навязчивый, неумолкающий звон, заглушавший даже отдалённый гул города. Высшая форма правосудия. Эти слова, произнесённые безличным голосом из-под маски, жгли его изнутри сильнее любого упрека, превращаясь в горькую, язвительную насмешку над всем, чему он когда-то служил. Он не предотвратил хаос; он лишь выбрал его оттенок, и этот оттенок был цветом запёкшейся крови на грязном полу склада, цветом молчаливого согласия, которое он дал, опустив пистолет. Следующую ночь он провёл в лихорадочном бреду, метаясь на своей жёсткой постели между кошмарными видениями, где лицо повешенного Эдриджа, искажённое предсмертной гримасой ужаса, причудливым образом сливалось с безмятежной, бездушной маской чумного доктора, а хриплый шёпот Мэг, словно сквозь толщу воды, нашептывал ему: «Бухгалтер смерти... самая страшная нечисть». Он просыпался в ледящем холодном поту, его пальцы рефлекторно хватали со стола тот самый скальпель с шестиугольником, и он чувствовал его холодную, отполированную костяную рукоять как клеймо, как нестираемое доказательство собственного соучастия в том новом порядке, что утверждался на улицах с помощью лезвия и безжалостной арифметики.

К утру бред отступил, но не принёс облегчения, оставив после себя хрустальную, почти болезненную ясность ума, в которой не оставалось места прежним иллюзиям. Он с предельной отчётливостью понял, что должен найти его. Не для того, чтобы остановить, арестовать или покарать — эти наивные представления о правосудии он отринул, как отбрасывают ветхую, изношенную одежду. Он должен был понять. Увидеть лицо, скрытое под маской-клювом, услышать не заученные, как мантра, формулы о «последней инстанции» и «исправлении ошибок системы», а настоящую, человеческую причину, ту боль или безумие, что двигали этим человеком. Иначе его молчаливое согласие на убийство, его бездействие в тот решающий миг не имело бы никакого смысла, кроме самого низменного и подлого — трусости, прикрытой рассуждениями о «большем благе».

Он вышел на рассвете, в тот странный, затихающий час, когда город лишь начинал пробуждаться к своему новому, жестокому дню, ещё не наполненный до краёв криками, стонами и грохотом повозок мертвецов. Он не искал следов, не выпрашивал нищих и воров, не пытался выстроить логические цепочки. Он просто шёл, ведомый тем же глубинным инстинктом, что много лет вёл его по следу преступников в лабиринтах лондонских трущоб, — инстинктом, который сейчас, сквозь усталость и отчаяние, подсказывал ему, где может скрываться раненый зверь, куда он может приползти, чтобы умереть в одиночестве. Но был и расчёт: хирург, раненый в грудь, будет искать место, где есть чистая вода, тряпки, возможно, старые лекарства. Больничная часовня, где когда-то лечили первых заражённых, подходила для этого идеально. Его удар в грудь в той схватке на складе был точен и силен; даже такой мастер, такой виртуоз смерти, не мог отделаться лёгким испугом и нуждался в укрытии, в передышке, которую сама чумная действительность предоставляла с большой неохотой.

Он нашёл его в самом неожиданном, и оттого — в самом логичном месте: в полуразрушенной часовне при старой городской больнице, том самом месте, где когда-то, в самом начала мора, ещё пытались лечить первых заражённых, а теперь царили лишь забвение, запустение и тяжкий дух тлена. Он лежал в глубокой нише за обвалившимся наполовину алтарём, скинув наконец свою зловещую маску, сбросив страшное облачение чумного доктора. При свете одного-единственного пыльного луча, что пробивался сквозь разбитое витражное окно, окрашивая летающую в воздухе пыль в кроваво-багряные тона, Кристофер увидел не демона и не фанатика, а просто измождённое, иссечённое глубокими морщинами усталости и страдания лицо мужчины лет пятидесяти. Его глаза были закрыты, дыхание — хриплым, прерывистым

и явно болезненным. На его простой, серой, некогда белой рубахе, в районе грудной клетки, расползлось злое багровое пятно. Услышав осторожные шаги, отдававшиеся эхом под каменными сводами, он открыл глаза. В них не было ни страха, ни удивления, ни даже вызова. Лишь глубокая, бездонная, всепоглощающая усталость, за которой уже не оставалось ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.